

ОЛЬГА ЛУКАС

13

ТРИНАДЦАТАЯ
РЕДАКЦИЯ

НАЙТИ
И ИСПОЛНИТЬ

ЧТОБЫ ЖЕЛАНИЯ
ИСПОЛНЯЛИСЬ,
ИХ НАДО ЖЕЛАТЬ.

Тринадцатая редакция

Ольга Лукас

**Тринадцатая редакция.
Найти и исполнить**

«Автор»

2011

Лукас О.

Тринадцатая редакция. Найти и исполнить / О. Лукас —
«Автор», 2011 — (Тринадцатая редакция)

Как известно, проблемы ненавидят одиночество и потому всегда приходят в гости большой веселой компанией. В Санкт-Петербург с недружественным визитом приехал известный писатель, знаменитый прежде всего своим склочным характером. А еще по непонятной причине в городе стало просто не продохнуть от носителей желаний. Почувяв легкую добычу, к ним начали подбираться шемоборы. А разгребать эти радости жизни, как всегда, придется сотрудникам Тринадцатой редакции. Еще больше желаний. Еще меньше времени на их исполнение. Еще одна неделя из жизни сумасшедшего филиала издательства «Мегабук».

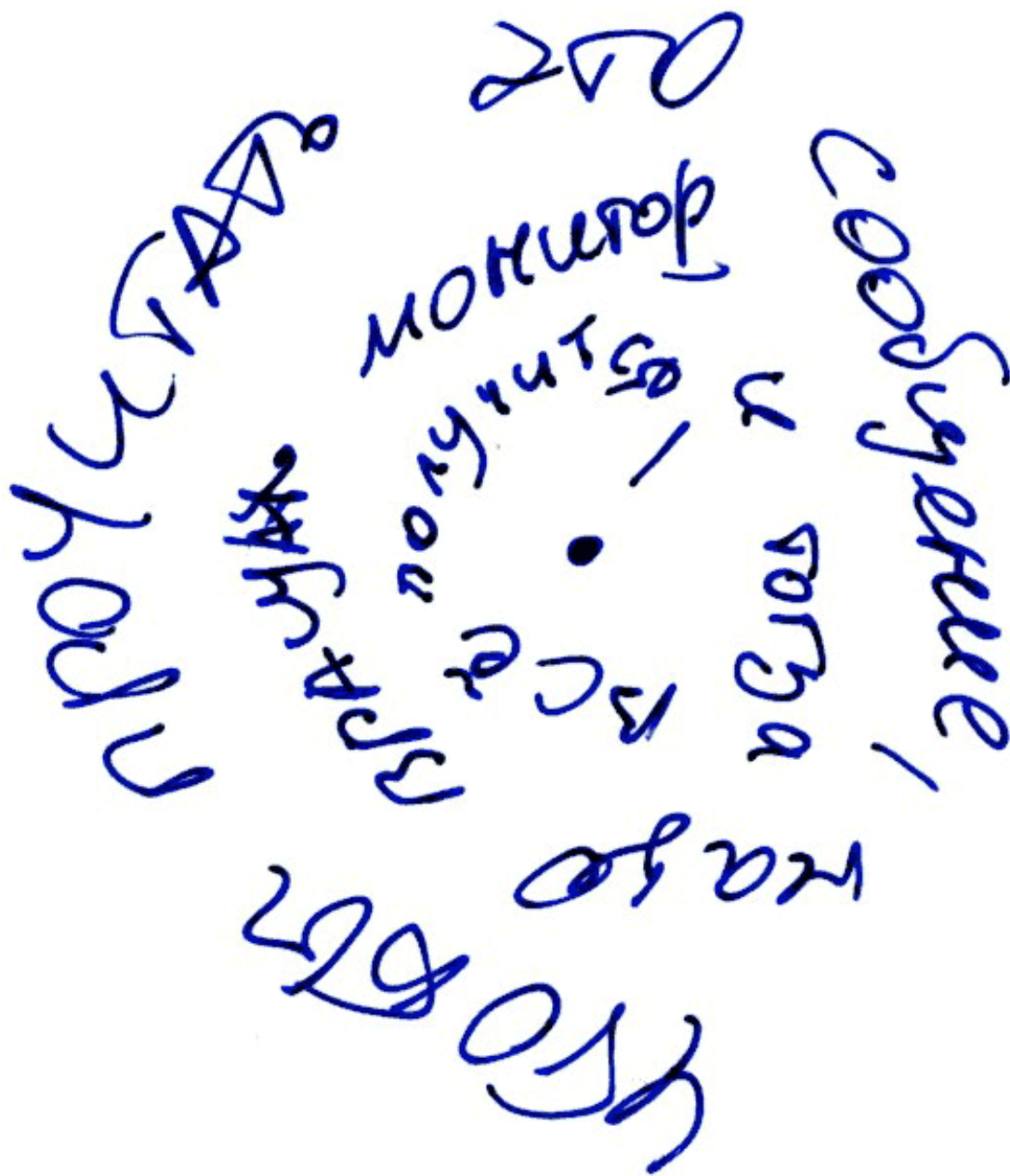
© Лукас О., 2011

© Автор, 2011

Содержание

За день до	6
День первый	10
День второй	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Лукас
Тринадцатая редакция
Найти и исполнить

За день до

Зима – это такое время года, когда природа подкрадывается к человеку совсем близко. Можно выйти на улицу – и сразу, без подготовки, вдохнуть слишком много свежего воздуха. Тихий, заснеженный двор – это уже природа. Можно заблудиться в снегах. Там, где летом детишки ковыряют поверхность земли в поисках взрослого опыта, где весной и осенью в вечной луже валяются обломки цивилизаций, сейчас вырос сугроб – чужой, холодный и хрупкий. В этом углу давно уже ничего не растёт, даже репейник, а тут – надо же – целый сугроб. Может быть, по весне из этого сугроба вылупится какой-нибудь добродушный дракончик, который дунет, плюнет, прищурится – и превратит самый обычный земной двор в инопланетный оазис. А может быть, весна не наступит никогда.

Труднее всего поверить в весёлые ручейки, проворно бегущие по асфальту, когда и асфальта никакого нет, нет вообще ничего, белый снег – как белый лист, и только дикие, загадочные, ювелирные снежинки всё падают и падают с неба. Их можно ловить ртом, а можно, раскинув руки в стороны, танцевать и вертеться волчком среди этой метели, совсем без смысла и пользы. Пускай потом голова закружится – просто с непривычки ты сделал слишком большой глоток Зимы.

Наташа не смогла удержаться от соблазна и пригласила метель на белый танец, пошла с ней вместе в туре вальса до покосившегося особнячка Тринадцатой редакции и ловко открыла своим ключом входную дверь.

Это некоторые, не будем указывать пальцами на Шурика и Виталика, вечно опаздывают на работу, а опоздав, барственно тычут пальчиком в кнопку домофона, так что дверь открывается перед ними как бы сама собой. Дай им в руки ключ, так они полчаса перед дверью простоят, соображая, где тут замочная скважина и какое волшебное слово надо произнести, чтобы попасть внутрь. Ну, может быть, Шурик будет честно стоять, а Виталик плюнет, воровато оглядится по сторонам, да и полезет в свой кабинет через окно – всё равно он его никогда не закрывает, растяпа.

Наташа аккуратно вытерла ноги и взбежала по лестнице на второй этаж. Несмотря на не вполне рабочий, и, если уж начистоту, более чем воскресный день, в приёмной обнаружились Лёва с Гумиром. Ну, Гумиру можно – он тут живёт. А вот Лёва, интересно, что здесь забыл?

– Привет, ребята, я не помешаю? Или у вас секреты? – помахала рукой Наташа и, не дожидаясь ответа, направилась к гардеробу, чтобы повесить пальто.

– Не мешаешь. У нас так – общая трепология в ожидании трудовых подвигов, ничего секретного, так что присоединяйся, – вполне приветливо кивнул Лёва.

– Слушайте, вот вам же платят-то небось – мало! – обличительно сказал Гумир, видимо продолжая мысль, прерванную появлением Наташи.

– Ну и?... – потянулся за пепельницей Лёва. На стенах упрёждающе затрепыхались плакаты, строго воспрещающие курение в приёмной, но Разведчик на них даже не взглянул.

– А вы на работу по воскресеньям ходите! – Гумир выложил на стол главный козырь, вытащил из-за уха папиросу, примял её и принялся нетерпеливо оглядываться в поисках зажигалки.

– Чья бы корова мычала! – покачал головой Лёва, протягивая ему огонь. – Тебе-то вовсе за работу не платят, а ты тут только что не живёшь. Вернее, живёшь. И работаешь день и ночь.

– Так это же такая работа?! Какая же это работа? Это песня! – блаженно улыбнулся Гумир и запыхтел своей папироской. Но тут же посерьёзnel, вскочил с места и двинулся к выходу. – Ладно, я с вами лясы точу, а у меня там уже всё, наверное, протестировалось. Придумал одну примочку, второй день об неё убиваюсь.

Гумир – компьютерный гений, мечтающий создать операционную систему будущего, которая затмит все прочие (особенно Windows), будет распространяться бесплатно, почти не занимать места на диске и иметь абсолютный иммунитет к компьютерным вирусам, даже к тем, которых ещё не изобрели. Вообще-то заветная мечта Гумира, как выяснилось при близком знакомстве, формулировалась следующим образом: не мешайте работать и дайте поесть. Поскольку его желание почти полностью совпало с требованием заместителя начальника Тринадцатой редакции, Константина Петровича Рублёва, – найти кого-нибудь, кто соображает в компьютерах, и чтобы ему можно было совсем ничего не платить, – то Гумир был аккуратно извлечён из ненавистного видеопроката, в котором он не работал, а только служил за весьма скромное жалованье, и препровождён в подвал, где из бывшей комнаты отдыха и релаксации соорудил себе весьма уютное логово. По служебной инструкции Гумир подчиняется Виталику – или, если называть вещи своими именами, относится к нему с особой симпатией и время от времени демонстрирует «начальнику» своё детище. Виталик трепещет от сознания того, что его, единственного в мире, подпускают так близко к этому чуду, поэтому требовать, чтобы Гумир выполнял свои должностные обязанности, ему уже потом как-то неловко. Зато самого Виталика в последнее время просто загоняли. Вот и Наташа с Лёвой тоже – нарочно приехали в воскресенье, чтобы лишний раз помучить несчастного Техника.

– У тебя тоже, что ли, носитель? – спросила Наташа у Лёвы, старательно ударяя пальцем о палец и устанавливая защиту. – Кофе будешь?

– Два раза угу, – отозвался тот.

– Что это на них нашло? До весны ещё жить и жить, а они разжелались тут. Я вообще к Катке шла стричься, она же теперь мастер в дорогом салоне. Но не видать мне новой стрижки, потому что... ну, ты можешь представить.

– Могу, – кивнул Лёва. – Я всю ночь с однокурсниками пил – случайно встретились, ну и вот, решили накатить, вспомнить былое. Проснулся – муторно, холодно, хочется уснуть и проснуться заново лет этак через сто. А лучше даже родиться кем-нибудь другим – скажем, бабочкой. Но вместо того, чтобы уснуть и переродиться, я зачем-то решил стать всеобщим похмельным ангелом и сбегать в магазинчик за пивком. Ну, как ты догадываешься, там-то меня мой носитель и подждал. Пиво я ребятам закинуть успел, а сам с ними сидеть уже не стал – помчался сюда, по дороге вызванивая Виталика.

– Ой, здорово, что ты его позвал. Я как-то не подумала, что он дома, а не здесь.

– Ну, сейчас-то он уже не дома, – злорадно потёр руки Лёва.

– Что он тебе сказал? – засмеялась Наташа.

– «Прости, дорогая, но эту звезду я подарю тебе в другой раз».

– Почему он называет тебя «дорогая»? И что это за звезда?

– Это он не мне сказал, а в сторону, мимо трубки. А мне сказал какое-то ругательство. Но потом одумался и пообещал скоро быть на месте.

– Пообещал – выполняю! – В дверях возник запорошенный снегом Виталик. Снял запотевшие в тепле очки – и на какое-то мгновение стал трогательным и беззащитным, как ребёнок, читающий в кругу родственников стихотворения собственного сочинения. Затем протёр очки рукавом куртки, нацепил их на нос – и снова стал собой. Бесцеремонно выхватил у Лёвы чашку кофе, не снимая верхней одежды, уселся на диван и поинтересовался, какого чёрта им двоим от него надо, и если им за каким-то дьяволом понадобился третий, то пусть сходят в подвал и выковыряют оттуда Гумира, а личную жизнь любимому коллеге портить перестанут.

– Да ты радуйся, чувак, что я тебе позвонил! – перебил его Лёва. – А то пришлось бы дарить какую-то звезду.

– Сказочный наивняк! Учю тебя, учю – никакого толку, – с жалостью протянул Техник. – Ладно, давай сюда датчик и не мешай профессионалу.

При слове «датчик» Наташа и Лёва, как по команде, вытащили из правого кармана джинсов (каждый из своего) по небольшому медному квадратику.

– Что, и ты тоже с уловом? Это меняет дело. Леди вперёд. Пройдёмте в мой кабинет, милочка, а Лёва пусть сообразит нам ещё кофейку. Чтобы лучше думалось.

– Я вот кому-то сейчас соображу кофейку за шиворот! – начал свирепеть Лёва, но Наташа успокоила его, сказав, что кофейку сейчас сообразит кофейный автомат, потому что, во-первых, он вполне сообразительный, а во-вторых, она его уже запустила, а в кабинет к Виталику они пойдут все вместе, чтобы никому не было обидно.

– Вам-то, может быть, и не обидно, а видели бы вы, какое сокровище я вынужден был покинуть ради того, чтобы расшифровать эти чёртовы показания! – простонал Виталик, принимаясь за дело. На самом деле не так-то уж сильно он был расстроен, а перспектива подарить звезду в какой-нибудь другой раз оставляла надежду на то, что сегодняшняя встреча с «сокровищем» не была последней. Ну а если всё же была, то не беда. Мало ли в Петербурге симпатичных девушек? А такая работа, как у Виталика, – одна, и они с нею идеально подходят друг другу.

Все сотрудники питерского филиала крупнейшего издательства «Мегабук» (кроме Гумира, который целыми днями отлаживает в подвале свою операционную систему) помимо основных профессиональных обязанностей выполняют ещё полезную общественную нагрузку. Хотя мало кто может с уверенностью сказать, какие обязанности у них основные, а какие – дополнительные: те, что связаны с книгоизданием, или те, что оторвали двух Разведчиков и одного Техника в воскресенье от самых приятных и любимых занятий.

В кабинете Виталика было холодно из-за открытой настежь форточки, но крепкий запах специй и ароматических палочек, который всех, кроме хозяина, настраивал на умиротворённо-лирический лад, не выветрился даже за выходные. Так что Лёва с Наташей примолкли, осторожно сняли с первых попавшихся стульев вороха неутверждённых (и утверждённых тоже) макетов, залитых кофе, запыхавшихся, захватанных жирными пальцами, аккуратно сложили их на пол и уселись в ожидании чуда. Которое очень скоро им и было продемонстрировано.

– Поздравляю тебя, красавица. – Виталик выдернул из принтера только что распечатанный листок и повернулся к Наташе: – Желание выполнимое, безопасное, носитель чистый – в смысле, никто его ещё не находил и хвоста на нём нет.

– И рогов на нём нет, и клыков на нём нет, – добавил Лёва. – Знаешь, тебе уже можно не на принтере, а на ксероксе данные распечатывать. По всем последним носителям – одно и то же. Как будто штампует их кто.

– Вы тоже заметили, как их в последнее время много стало? – обрадовался Виталик, приступая к обработке Лёвиного датчика. – А я думал, мне кажется. Ну, типа, перетрудился. Я даже со всеми вредными привычками решил распрощаться, потому что ну не бывает же такого! Просто по закону случайных чисел хотя бы. Должны попадаться и невыполнимые желания, и порченые носители. Знаете, я даже подумал – если никто, кроме меня, этого не замечает, то, может быть, я попал в параллельный мир, а у вас тут так и положено? Я даже к Цианиду присматриваться стал – и вроде показалось, что он тени не отбрасывает. А когда Гумир говорит – эхо образует. Никто не слышал?

– Надо же, какой у нас мальчик впечатлительный, – повернувшись к Наташе, ухмыльнулся Лёва. – Но вообще мне дико повезло, что теперь нас двое. А то бы я один бегал по городу за всей этой бандой носителей.

– Ага, и мне повезло, – сказала Наташа. – Я думала, ты мне ещё долго не позволишь самой работать, будешь экзамены мне всякие устраивать, а тут получается, что я учусь прямо на настоящих делах!

– Ему только дай волю, – отозвался Виталик (он уже успел выпрыгнуть из-за компьютера и вновь переместиться к принтеру). – Только дай ему волю, и он на твои плечи взвалит всю свою работу, а сам будет сидеть, покуривать.

– Хочешь, я сейчас на твои плечи вот этот стол взвалю? С размаху? – вскочил с места Лёва, но Виталик вовремя почувствовал, что дело пахнет жареным, и примирительно помахал распечаткой у него перед носом:

– Смотри-ка, тебе сегодня повезло. У этого парня желание, не выполнимое ни при каких условиях. Считай, что зря сюда приехал. С другой стороны – порвал цепь совпадений, за что тебе от меня лично большой респект. Пожалуй, от некоторых вредных привычек я всё же не стану отказываться.

– Да ты обращайся, если что, – самодовольно улыбнулся падкий на лесть Лёва, – я кого хочешь порву.

День первый

Для шефа Тринадцатой редакции, Даниила Юрьевича Пантелеймонова, неделя началась с сюрприза. Обычно он приходит в понедельник в офис – и застаёт там только Наташу и Константина Петровича, да ещё частенько Дениса, если тому внезапно не пришло в голову разнообразить утреннюю гимнастику лёгкой пробежкой по району, превращающейся в итоге в марафонский забег по городу. Но на сей раз не только дисциплинированные сотрудники и примкнувший к ним Денис, но даже неорганизованные шалопаи Шурик и Виталик были на своих местах ровно в десять утра, рыли копытом землю и рвались в бой.

– Нам их подменили, что ли? – опасливо спросил шеф у Константина Петровича, явившегося к нему в кабинет с докладом. – Может быть, они ещё и план перевыполнили?

– Наоборот, – скорбно поджал губы заместитель, – мы нынче в таком глубоком минусе, что я бы даже заменил слово «минус» на что-нибудь более грубое.

– Ну, тогда я спокоен за наших ребят. Это они, ошибки быть не может, – расслабился Даниил Юрьевич, снял трубку внутреннего телефона и попросил Наташу поскорее гнать всех к нему, потому что грядёт летучка.

– Итак, мои дорогие, чему я обязан столь резвой и своевременной явкой? Видите, как меня просто удивить – достаточно просто всем сговориться и вовремя прийти на работу, и я уже не могу сердиться по всяким мелочам, вроде упущенной прибыли и несвоевременных отгрузок.

– А вы не помните, что сказали в пятницу? – осторожно поинтересовалась Марина Гусева.

– В пятницу? Я много чего сказал. Не упомяну уже, – встревожился шеф. – А что, я говорил какие-то ужасные вещи?

– Не ужасные, а мудрые и своевременные, – не удержался Константин Петрович. – Когда явился третий опоздавший, вы заявили, что терпение ваше лопнуло, и тот, кто придёт в понедельник самым последним, сам будет вести летучку. И пусть только попробует ошибиться. Узнает тогда, как страшен ваш гнев.

– Надо же, как интересно. Совсем забыл. И кто же должен познать мой гнев? Кто сегодня пришел самым последним? – заинтересовался шеф.

– Вы, Даниил Юрьевич, – невозмутимо сообщил Константин Петрович.

– Ну и поделом мне. Тогда начинаем. Во первых строках своего письма хочу сообщить, что завтра привезут новую партию свежих бестселлеров. Сделайте так, чтобы на этот раз их разгружали специально нанятые грузчики, а не окрестные алкоголики. Я-то, конечно, не против того, чтобы наши соседи время от времени отвлекались от изучения глубокого внутреннего содержимого очередной бутылки и занимались полезным делом, но потом вы как-то умудряетесь с ними сдружиться и перепутаться.

– Подумаешь, один раз выпили с хорошими людьми, зато они так ловко пачки с книгами перетаскали – всего за три бутылки! – ревниво встрял Виталик. Это была его идея – привлечь к работе местных жителей.

– Ловко, ага, – мрачно кивнула Галина Гусева. – Мы до сих пор не можем понять, куда они засунули тысячу экземпляров «Лечения пиявками икоты и зевоты». А на них сейчас такой спрос – даром что не сезон.

– Если бы один раз, – не удержался от комментария Константин Петрович. – Ты просто остальные разы не помнишь, такой был хороший.

– А вот и клевета! – радостно завопил Виталик. – Я до прошлого раза вообще в разгрузках не участвовал – отлынивал.

– Это хорошо, что ты сам признался в этом, – подытожил Даниил Юрьевич. – Надеюсь, ты осознал, как нехорошо уклоняться от общего дела, и больше так поступать не будешь.

Виталик насупился и замолчал – крыть ему было нечем.

– Ну а пока ты размышляешь над своим недостойным поведением, – примирительно подмигнул шеф, – я продолжу. Грядут, как вы, должно быть, помните, все эти милые нелепые праздники – 14 и 23 февраля, 8-е Марта...

– А что, у кого-то день рождения? – проснулся Шурик. Он сегодня так старался не опоздать, что всю ночь ворочался с боку на бок, просыпался, смотрел на часы, в итоге вскочил за полчаса до звонка будильника (впрочем, будильник так и не прозвенел, потому что в нём батарейки сели), как следствие – не выспался и задремал прямо на летучке.

– Доброе утро, Сашенька, – помахал рукой шеф. – Нет, конфеты пока что не раздают, но если мы к надвигающимся событиям не повысим продажи тематических изданий – раздадут кое-что другое. Задачу ставлю для Марины с Галиной, ну и для Лёвы, конечно.

– Ещё и праздники? Три тысячи шемоборов мне в печень! – взвыл Лёва.

– Вот это вряд ли, – покачал головой Даниил Юрьевич. – Проходя сегодня по двору, я слышал разговор двух местных кумушек. Одна из них решила по секрету сообщить другой, что, дескать, «Мёртвый Хозяин вернулся». Поскольку обе кумушки слегка глуховаты и шептались так, что распугали на окрестных крышах всех кошек, секрет стал достоянием широкой общественности в моём лице. Я даже хотел сказать, что никуда я не исчезал, но зачем зря пугать мирных женщин? С тех пор как у нас во дворе учредили институт пенсионерской лавочки, я чувствую себя более уверенно – никакие подозрительные личности долго здесь шастать не смогут: наши бдительные соседки их вмиг обезвредят.

Все, кроме Наташи с Денисом, довольно заулыбались – они уже совершенно освоились с тем, что руководит ими давно умерший человек, которого местные жители почтительно прозвали Мёртвым Хозяином – ещё в те времена, когда он был самым обычным призраком в маленьком заброшенном особнячке, ставшем впоследствии штаб-квартирой питерского филиала издательства «Мегабук». Новенькие же хоть и были посвящены в удивительные подробности биографии своего начальника, но всё никак не желали с этим свыкнуться.

– Всё-таки это антинаучно, – пробормотал себе под нос Денис, – вы всегда такой живой и естественный, что мне трудно поверить в то, что вы – это он. Ну, то есть – тот самый Мёртвый Хозяин.

– Ключевое слово – «всегда», – важно сказал Виталик. – Ни один живой человек не может всегда выглядеть живым и естественным.

– А каким же ему быть? Мёртвым и противоестественным? – удивилась Марина Гусева.

– Зря смеётесь, – вполне серьёзно сказал Даниил Юрьевич. – Живые люди – пленники и рабы своего тела. А телу свойственно болеть, мёрзнуть, потеть, уставать и так далее. Невозможно не прислушиваться к его желаниям, если я правильно помню. И хватит об этом. Всем интересующимся могу после работы рассказать о невыносимой лёгкости внебелкового существования отдельно, а теперь – да, Лёва, я вижу, как ты выразительно подмигиваешь. На днях наш город посетит выдающийся современный писатель Йозеф Бржижковский. Он сначала собирался остановиться в Москве, но потом решил и к нам заглянуть. Если кто вдруг забыл, то права на издание всех его книг принадлежат нашему издательству до скончания века. Виталик, что ты там ёрзаешь? Не знаешь, о ком я говорю? Выйди вон из класса!

– Это я-то – не знаю? Да он мой кумир ещё с тех времён, когда я здесь не работал! Я вообще почетный модератор сообщества его имени, к тому же...

– Это же великолепно! – хищно улыбнулся Лёва. – Вот ты-то и набрасаешь информационно насыщенный пресс-релиз, который мы раскидаем по всем СМИ. Вернее, ты набрасаешь заготовку, а я уже потом пройдуся по ней рукой мастера. Своей то есть рукою.

– На тебя как-то непохоже, – повернулась к Виталику Марина Гусева, – чтобы ты так долго увлекался чем-то одним.

– Ну, я всё же не только господином Бржижковским в этой жизни интересуюсь. И потом, он так редко теперь пишет книги, и каждая новая так не похожа на всё, что он делал до этого, что можно считать, что каждый раз я увлекаюсь им заново! Я даже представить не мог, что мне доведётся пообщаться с этим матёрым человечиком!

– Я зато уже с ним наобщался выше крыши, – хмуро прервал его Лёва. – И он не матёрый, а матерный. То он не будет давать индивидуальные интервью журналистам, все вопросы – на пресс-конференции. То будет, но только тем, которые не работают в ежедневных газетах. То не будет совсем. То согласен на первых пятерых записавшихся. То хочет вопросы заранее видеть. То – результаты теста на IQ. То ему...

– Ему можно всё, он гений, – с придыханием сказал Виталик. – Если нужно будет защитить его от твоих бестолковых журналистов – ты только скажи.

– Это ещё вопрос, кого придётся защищать, – вмешался Даниил Юрьевич. – Нас ждёт незабываемая встреча с прекрасным – считаю своим долгом предупредить всех заранее. Йозеф Бржижковский – человек исключительно одарённый по части умения работать со словом, а вот с настроением своим он справляется крайне посредственно. Если говорить точнее – оно у него чаще всего плохое.

– Ой, к нам едет печальный поэт, рыдающий при луне? – сладко заулыбалась Галина Гусева. – При нём нельзя будет говорить про грустное, а заодно ругаться матом?

– Поэты – хорошие поэты – прекрасно управляют своим настроением, – покачал головой Даниил Юрьевич, – и заодно нашим. А старина Йозеф – это скорее сумасшедший, вооружённый пистолетом. Сумасшедший, который отлично умеет стрелять, и палит во все стороны, чуть только выходит не по его хотению.

– Ах, злые языки страшнее пистолета, – закатив глаза к потолку, процитировал Виталик. – Знаем, читали.

– Я тоже узнал эту фразу довольно давно. Пожалуй, гораздо раньше, чем ты, – спокойно ответил шеф, – но понимать её стал значительно позже. Не так уж плохо, если вы поймёте её значение благодаря нашему прекрасному гостю. Который, предупреждая, способен убить даже не словом, а одним лишь знаком препинания.

– А, да, к слову о знаках, – спохватился Лёва. – В смысле, денежных. Константин Петрович, как насчёт того, чтобы красиво обставить пресс-конференцию?

– Лишних денег на показуху нет, не было и не будет, – отчеканил этот железный человек.

– Но ведь Бржижковский же! – воскликнул Виталик.

– Да по мне – хоть Белинский с Маяковским! Расходной ведомости всё равно, на что ушли незапланированные деньги. Если вы такие фанаты – можете сами скинуться.

Виталик аж задохнулся, а Лёва вскочил с места и кошачьей походкой двинулся к коммерческому директору, чтобы взять его за грудки и как следует встряхнуть.

– Драки не будет, – тихо сказал Даниил Юрьевич. – Деньги на показуху даёт Москва, бюджет уже подписан, всем спасибо за представление. Теперь скажите, что у нас происходит с нашими носителями?

Лёва неторопливо вернулся на своё место. Виталик снова вспомнил, как дышать. Константин Петрович дал знак, что защита выставлена, и только после этого мунги, перебивая друг друга, начал и делиться впечатлениями о последних событиях на фронтах исполнения желаний.

На аномальное количество носителей обратили внимание все, но никто не придал этому особого значения. Ведь если Даниил Юрьевич спокоен – значит, всё происходит правильно. Зато теперь всех словно прорвало: каждый пытался предложить своё объяснение произошедшему.

– Насколько я понимаю, – задумчиво произнёс Константин Петрович, выслушав все версии, – мы имеем дело с аномалией. Я заметил, что процент носителей желаний всегда одинаков. Значит, просто так он не может увеличиваться или уменьшаться. Даниил Юрьевич, я прав?

– Он всегда одинаков на планете, – уточнил шеф. – Вполне может статься, что этих ребят сюда притягивает какая-то сила. Такое в истории уже бывало, впрочем, ничем хорошим не заканчивалось.

– Да? – озабоченно почесал в затылке Виталик. – Вы тогда скажите – куда нам бежать? За ними или от них? Чтоб не попасть под раздачу?

– Пока что всем оставаться на своих местах и делать вид, что всё в порядке. Я выясню, в чём дело, и, в случае чего, побежим все вместе. Кстати, Наташа, как тебе этот марафон желаний? У Лёвы не спрашиваю – чем больше работы, тем ему лучше; не корчи рожи, ты сам знаешь, что это так. А вот как справляется наш новый Разведчик?

Наташа глубоко задумалась, прежде чем ответить. Она уже привыкла, что сигналом к тому, что где-то рядом притаился носитель желания, лично для неё является раздражение, переходящее в грубость, но никак не могла себе этого простить. Ей почему-то казалось, что так получается от неопытности, и любой другой на её месте – ну вот Лёва, к примеру, – не стал бы принимать неприятные эмоции близко к сердцу, нашел бы способ от них уклониться.

– Новый Разведчик справляется плохо, – призналась Наташа. – Я становлюсь такой змеищей и гадиной, когда рядом появляется какой-нибудь носитель... Терпеть таких не могу, и себя в эти моменты – тоже.

– Никогда бы не подумала, что ты можешь кого-то не терпеть, – ввернула Марина Гусева.

– Ну, когда другие так себя ведут – это ещё ладно. Отойди и не смотри. А вот когда я сама распускаюсь – то отходить уже некуда. И стою я такая, совсем никакая: носитель злит, я себя злю, и вообще жизнь не удалась.

– А вот это не дело, – прервал её шеф. – К носителю ты можешь относиться как угодно – делу это не повредит, ты всё равно найдёшь способ прилепить к нему датчик. А вот себя в этот момент надо поддержать и понять. Пусть тебе и не нравится недовольная, капризная девица, в которую ты превращаешься, но ты подумай – ей и без того плохо, а ты ещё и ругаешь её, вместо того чтобы дружески обнять и погладить по голове.

– Ты, главное, пойми, что это – не насовсем, – вмешался Лёва. – Сейчас ты временно злая, а через десять минут – добрая и всё забыла. Когда у меня ухо пульсирует так, что уже непонятно, кто здесь главный – я или оно, – только такие мысли и спасают.

– Да сейчас я понимаю. Но когда доходит до дела – то снова не понимаю. И ведь обидно – вокруг столько хороших, даже отличных людей, а я вынуждена помогать самым гадким и неприятным. Это так несправедливо – выполнять желания тех, кто этого ни капли не достоин.

– Ну что же делать, если это единственный способ лишить их возможности тебя раздражать? – развёл руками Лёва. – Вспомни Машу Белогорскую – как она тебе вначале не понравилась!

– Вот уж да, не повезло ей, – смущённо улыбнулась Наташа. – Константин Петрович, а она сегодня вечером придёт?

– Ну... Кхм... – засуетился Цианид, зачем-то схватился за папку с бумагами и спешно принялся искать в ней несуществующий документ. – Сегодня у нас будет практическое занятие. Так что не мешайте, ей надо сосредоточиться.

– Да я просто соскучилась. И мне каждый раз так нравится убеждаться в том, что она меня больше не раздражает. Ведь гораздо легче знать, что неприятное ощущение проходит, как только желание носителя исполняется, и даже не просто знать, – а чувствовать, и возвращаться к этому ощущению снова и снова.

Лёва с гордостью взглянул на свою ученицу; его наставницы, Галина с Мариной, в своё время уверяли, что он, обучаясь мастерству Разведчика, умнеет просто на глазах, но он-то

прекрасно понимал, какой он на самом деле бестолковый. Теперь, наблюдая за Наташей, он в этом окончательно убедился. Сам Лёва очень долго не мог понять, что боль ему причиняют не люди как таковые, а их пока ещё не исполнившиеся желания.

– Тебя же предупреждали, что у тебя талант, – мягко сказал Даниил Юрьевич, – и что если ты начнёшь его развивать, может произойти всё что угодно, поскольку ощущение Разведчика – непредсказуемая вещь.

– Лучше бы я не развивала этот дурацкий талант! – капризно сказала Наташа.

– А что, если бы талант у тебя открылся сам собой, как у меня? – напомнил Лёва. – И ты просто бесилась бы, не понимая, в чём дело, и не умея найти этому объяснение и извлечь пользу?

– Как же хорошо быть простым, непродвинутым Техником, – удовлетворённо констатировал Виталик. – Единственное, что тебе грозит, – так это звонок от одного из этих тонко чувствующих людей в самый неподходящий момент. Но телефон в крайнем случае можно и отключить. А вот в том, что можно отключить ощущение, я что-то не уверен.

– Жалко, что ты у нас такой непродвинутый, – покачал головой шеф. – Я-то надеялся, что вы начнёте сейчас доказывать друг другу, чья участь тяжелее и кто в нашем славном коллективе самый главный страдалец, а ты взял и всё испортил. За это я всех строго накажу – отправлю по рабочим местам. Несмотря на то что у нас в городе начался несанкционированный слёт носителей, работу мы прекращать не будем – и не с таким справлялись. А я тем временем с Кастором пошушукаюсь. Наташа, меня не будет какое-то время, не переключай звонки на мой аппарат. Константин Петрович, поставьте защитный колпак на мой кабинет, я всё здесь оставляю, как обычно.

Когда Даниил Юрьевич говорит, что он «всё оставит», он имеет в виду действительно всё: автомобиль, припаркованный в соседнем дворике, дипломат, мобильный телефон, костюм, галстук и физическую оболочку. А сам налегке отправляется к своему верховному начальству – ему, в отличие от живых, не надо записываться на приём и ждать визита несколько дней: он сам в состоянии найти Кастора и спросить его совета. Если, Кастор, конечно, ничем серьёзным в данный момент не занят и позволяет себя найти.

Наташа давно заметила, что в Тринадцатой редакции всё делается как-то удивительно слаженно: если кто-то один выскочил ненадолго в приёмную, чтобы отвлечься от работы и глотнуть кофе, то жди всех остальных, а с ними – и интересной беседы. Если носители целой толпой нагрянули в город – значит, этим дело не кончится: приедет какой-нибудь особо вредный писатель, да ещё вдобавок сверху спустят такой план продаж на месяц, что сестры Гусевы схватятся за все свои ножи и пистолеты разом. Если на этажерке с посудой стоят не все чашки, какие только есть в офисе: чистые, блестящие, одна к одной, – то значит, их нет там совсем. Вот как, например, сейчас.

Небольшим домашним смерчем в приёмную ворвался Виталик, с жалостью поглядел на пустые полки, заприметил на самом верху чашку, вполне вместительную и не слишком запывшуюся, подпрыгнул, настиг её, протёр рукавом и, прижимая к груди драгоценную добычу, рыскнул в сторону кофейного автомата.

– Давненько ты за собой посуду не мыл, – ласково-угрожающе сказала Наташа.

– Я как раз собирался, сейчас разберусь только с корреспонденцией! – с готовностью откликнулся из-за журнального столика Цианид.

– Да-да-да, сейчас помою! – выглянул из закутка, носящего гордое наименование «кухня», Лёва. Он жевал бутерброд с колбасой и держал наготове бутерброд с сыром, чтобы заранее запугать свой голод.

– Как приятно работать с такими ответственными людьми, – заявил Виталик, приплясывая рядом с кофейным автоматом в ожидании своей порции бодрящего напитка. – И почему, хотелось бы мне знать, у нас так мало посуды на этажерочке? Бьёте вы её, что ли?

– А на этажерочке у нас мало посуды потому, милый Виталечка, что вся она у тебя в комнатке распихана по самым недоступным уголочкам и присыпана пачечками черновичков! – неожиданно ехидным тоном сказала Наташа. – И вообще, ребята, не смейте сегодня ничего мыть – его сегодня очередь!

– Так, всё под контролем, – строго произнёс Цианид, и все присутствующие почувствовали, как комнату накрыло мягким непроницаемым колпаком. Это было последнее достижение Константина Петровича, которым он страшно гордился. Трюк с «осязаемой защитой» пока что не всегда ему удавался, но он упорно совершенствовался и обещал через пару недель окончательно закрепить результат.

– Наташа, только честно – кто тут из нас носитель? – кинулся к ней Лёва. – Кто тебя больше всех бесит? Виталька? Я ему морду набью! В смысле, – сначала мы по-быстрому исполним его желание, а потом уже морду.

– Вы серьёзно или опять дурака валяете? – удивлённо похлопала глазами Наташа. – Нет тут никого. Могу же я иногда просто так вредничать. Потому что, знаете, очень как-то надоело приходиться утром на работу и обнаруживать, что посуда вся убежала. Виталик, ты сказку «Федорино горе» помнишь? Если не вернёшь всё, что у тебя в гнезде завалилось, я сама тебя побью!

– Ой! – сказал Техник и испуганно заозирался. Помощи и защиты ждать было неоткуда.

– Кстати, Виталик, – угрожающе произнёс Лёва, поигрывая, как метательным ножом, недоеденным бутербродом. – Ты мне когда пришлешь информацию о дедушке Йозефе?

– Да я тебе её сразу же после летучки скинул, почту надо проверять, а не жрать, как не в себя!

– Тот бред, который ты мне прислал, – это и есть информационно насыщенная справка об авторе? Я ничего не путаю?

– Вот только не надо меня пугать, – испугался Виталик. – Не надо. Я тебе написал то, что думаю, – из самой глубины моего пылкого сердца!

– А мне не надо то, что ты думаешь. Подумать наши журналисты пока ещё и сами в состоянии, только этим и занимаются. А вот информацию искать им лень. Это нетворческий процесс. Поэтому они такое иногда выдумывают, что в Москве все под столами от смеха валяются, а виноват, как всегда, я. Так что ты это, давай помоешь посуду – и подготовь мне нормальную справку: кто он, когда родился, что написал, чем известен. Премии там всякие, если есть.

– Конечно, есть, куда же без них. Это каждый дурак знает, – опешил Виталик. – Серьёзно, это можно везде найти, в три клика, максимум – четыре. Да хотя бы в Википедии. Я думал – тебе действительно интересно мнение разбирающегося человека.

– Мнение мне интересно, но не требуется. А требуются – факты. Их нет в том сочинении, которое ты мне скинул.

– Меня здесь не ценят. И это факт, – пожаловался кофейному автомату Техник и сделал большой утешительный глоток эспresso.

– Ну-ка не капризничай, ты знаешь, что все мы тебя очень ценим, – примирительно сказала Наташа, – Но ты – давний поклонник Бржижковского, и тебя интересует совсем уж высшая математика: ты всё читал и всё знаешь наизусть. Это – хобби, ты уделяешь ему столько времени, сколько не жалко. А журналистам, о которых говорит Лёва, по несколько раз на дню приходится писать о самых разных людях.

– Это их проблемы! – строптиво повёл плечом Виталик. – Они сами выбрали эту профессию, раньше надо было думать.

– Да, но мы сейчас говорим не об их проблемах, – вмешался Константин Петрович, – а о наших. Лёва – поправь меня, если я ошибаюсь, – хочет, чтобы они не допустили нелепых фактических ошибок.

– Ага. А то в прошлый раз, когда мы презентовали «Мою жизнь на сцене», какой-то гад прибавил примадонне десять лет. Она даже хотела киллера нанять – вовремя отговорили, а мне потом от начальства досталось, – поёжился Разведчик.

– Не думаю, что господин Бржижковский станет читать то, что о нём напишут, – продолжал ерепениться Виталик, – но если этим вашим журналистам в самом деле важнее всем известные факты, а не мои удивительные открытия, то и не жалко. У меня на компе на диске Цэ в папке *Не рабочее/Личное/Хобби/Пока интересное/Книги/Это пять/Бржижковский/Архив/Всякое/Факты* как раз лежат нужные тебе файлы, они так, по-моему, и называются: биография, библиография и что-то там ещё такое, как раз как ты любишь. Возьми их сам, и вопрос закрыт.

– Ага, – с уважением кивнул пиарщик, у которого на диске Цэ было всего две рабочие папки: «Надо сделать вчера» и «Можно сделать сегодня»; прочие файлы валялись бесформенной кучей в «Архиве», куда Лёва уже год боялся заглянуть. – А путь на бумажке слабо записать? А то я запомнить не успел.

– Мне кажется, что запоминать необязательно. На удивление логичная конструкция, – заметил Константин Петрович. – Что ж у тебя в остальном-то такой беспорядок?

– Эх, Цианидушка, – задушевым тоном произнёс Виталик, – если бы можно было сесть за стол, кликнуть двадцать раз по углам комнаты, извлечь из них все грязные чашки, сложить в одну папку, нажать кнопку «вымыть», перенести при помощи мышки из моего кабинета на этажерку, а потом то же самое проделать с остальным добром, которое у меня в кабинете скопилось, то я был бы самым образцовым чистоплюем в мире.

– Раз можешь навести порядок в компьютере – значит, везде можешь! – отрезал Константин Петрович. – Всё лишнее долой с рабочего стола! Какой порядок будет у тебя на столе – такой порядок будет у тебя в голове!

– Ты хочешь, чтобы в голове у меня было пусто? – удивился Виталик. – Я на это пойти не могу.

– Надо себя заставлять! Жизнь состоит не только из удовольствий!

– Да, я это заметил, спасибо, – насмешливо кивнул Виталик. – Она ещё состоит из радости, блаженства, неги, счастья и предвкушения всей этой благодати в оставшиеся скромные мгновения бытия. Так, хозяйюшка, а где тут у нас текстовыделителей подрезать можно?

– Для этого тебе придётся забраться на табуретку и два раза кликнуть по левой дверце вон того шкафа, – тут же ответила Наташа.

– А почему два раза? – насторожился Виталик.

– Потому что она иначе не открывается. Константин Петрович не хочет давать денег на ремонт, говорит: вот когда само отвалится, тогда просто всё заменим.

– Эй, когда это я такое говорил? – изумлённо спросил Цианид, наблюдая за тем, как Виталик пододвигает к нужному шкафу табурет, взбирается на него, дважды щёлкает по неисправной дверце и с интересом глядит на неё, когда она всё-таки отваливается и оказывается у него в руках. – Впрочем, неважно. Теперь-то уж точно придётся вызывать мастера.

Худощавый молодой человек ростом чуть выше среднего вышел из кофейни, попрощавшись со своей улыбающейся румяной сменщицей Тарьей, и неспешно побрел домой, машинально приглаживая длинные пряди волос, выбившиеся из-под банданы. Вообще-то супервайзер строго следил за тем, чтобы «все патлы были убраны, а не летели клиентам в тарелку», но сегодня супервайзер злобствовал где-то на другом конце города, так что Джордж вполне мог позволить себе не думать о подобных унижительных мелочах. Домом он уже пару месяцев называл квартиру, которую они с друзьями сняли в Хельсинки, а настоящий его дом остался в Санкт-Петербурге – и, кстати, большой вопрос, его ли это был дом или папин, равно как и всё прочее добро, которым он некогда владел, а потом безрассудно продал первому встречному.

Перед тем как вернуться в ещё не вполне обжитое, но уже любимое жильё, можно было погулять, отключиться от забот дня и отдохнуть от людей. Потому что в компании Анны-Лизы и Дмитрия Олеговича всегда надо быть настороже, чтобы в очередной раз не нарваться на насмешки.

Обычно он пешком добирался до паромного терминала, некоторое время глядел на воду, воображая себя в Новой Голландии, затем, поймав знакомое ощущение, углублялся в переплетение дворов и представлял, что он снова в Питере и каждая трещина в асфальте, каждый кирпич в стене, каждая чайка в небе – знакомые, привычные, свои. Потом сказка заканчивалась вместе с чередой таких родных дворов и зданий, и он снова оказывался мальчишкой, заблудившимся в джунглях: все вокруг – одной с ним крови, но ни слова не понимают по-нашему.

Прихватив в магазине упаковку пива и рыбных полуфабрикатов, он возвращался в настоящее. Всё вышло не так уж плохо. Да ладно, пока двух этих насмешников нет поблизости: всё вышло, прямо скажем, отлично!

– Как же я люблю свою работу! – заявил Джордж ещё с порога и начал степенно и неторопливо, как и подобает честному пролетарию, снимать верхнюю одежду и аккуратно развешивать её в гардеробе.

Услышав шум, Дмитрий Олегович покинул гамак, который он повесил в своей комнате и усиленно обживал в редкие спокойные послеобеденные часы, когда у него не была запланирована очередная встреча с носителем. Гамак был неудобный, резал спину, в нём укачивало, но Дмитрий Олегович с детства мечтал о собственном гамаке, и только здесь сумел эту мечту реализовать, поэтому не жаловался. Выглянув в коридор, он убедился в том, что ничего сверхъестественного не произошло – просто один новоиспечённый герой труда опять отрубил две смены в ближайшей кофейне, потоптался возле паромного терминала, покружил по дворам и теперь счастлив по уши.

Джорджу не удалось сохранить в тайне свои ностальгические прогулки. Анна-Лиза ещё три недели назад выследила его – ей показалось, что их приятель слишком поздно возвращается с работы. «Мне кажется, что он тут кому-то крутит шашки!» – по секрету сообщила она Дмитрию Олеговичу. Тот чуть из гамака не вывалился от неожиданности, но постарался сохранить достоинство и лениво поинтересовался, кому это может помешать. «Нам лишние свидетели не нужны!» – отрезала валькирия, загримировалась так, что сама себя потом не узнала, и отправилась шпионить.

«Какое у него большое и чистое сердце! – шмыгая носом, докладывала она на следующий день. – Я бы не смогла мёрзнуть на берегу, чтобы переносить мысли в родной город!» – «Может быть, он переносит мысли на ту, с которой крутит шашни?» – предположил Дмитрий Олегович. «Про людей так не бывает, – очень серьёзно ответила Анна-Лиза. – Он смотрит насквозь тебя – и в его глазах отражается шпиль Петропавловской крепости». – «Браво, – из гамака раздались жидкие аплодисменты, – ещё немного, и ты вполне сможешь встать рядом с ним, и в твоих глазах тоже будут отражаться шпили и ангелы. Кстати, раз наш клиент немного оттаял – то можно продолжить. Сколько в прошлый раз на кону было? Пять тысяч? Округлим до десяти, если не боишься – и полный вперёд». – «Зачем мне бояться? Всё равно я надорву тебя сзади!»

Если бы Джордж узнал, что за его душой вновь начали охотиться два высококлассных шемобора, он бы отговорил их от этой глупой затеи: желания и эмоции были у него по-прежнему под контролем, не подкопаешься. Но он так и не понял, кто живёт рядом с ним, несмотря на то что Анна-Лиза и Дмитрий Олегович вели разговоры о работе прямо при нём, зачастую даже пуская его под защитный колпак. Но какое ему было дело до бизнеса этих двоих, какое ему было вообще дело до бизнеса – у него теперь была настоящая самостоятельная работа, настоящая самостоятельная жизнь и настоящая самостоятельная тоска по родному городу.

Дмитрий Олегович поджидал друга за круглым столом в гостиной: Анна-Лиза отлучилась по своим делам, и надо было воспользоваться этим шансом, чтобы вывести, выпросить, вызнать, а может быть, сразу и договор заключить, чтобы два раза из гамака не вставать.

– Тебе ещё не надоело быть обслугой? – кинул он пробный камень. И попал. Вернее, попался.

– О чём ты говоришь! – энергично воскликнул Джордж. – Самому работать – это совсем не то же самое, что руководить!

– Да что ты говоришь? Просто потрясающее открытие.

– Серьёзно. Это гораздо-гораздо интереснее!

– Кто бы мог подумать! Отчего же тогда тысячи тысяч мальчиков и девочек только и мечтают о том, чтобы руководить, а не работать?

– Когда я ещё ничем не руководил, я тоже мечтал командовать, ты же помнишь, – усмехнулся Джордж и сел напротив. – И эти твои тысячи тысяч тоже наверняка просто не знают, как горек хлеб топ-менеджера.

– Бедненькие топ-менеджеры, вынужденные есть горький хлебушек по две тысячи рублей за буханку. Едят и давятся, давятся и едят – а то как же. Вопрос престижа. Впрочем, постой, топ-менеджером всё же был твой папа. А ты просто присматривал за доверенным тебе рестораном, который ты так хорошо, надо признаться, оформил.

– Не спорю, – легко согласился Джордж. Освободившись от папиного подарка и став свободным человеком, он теперь спокойно воспринимал все упоминания о прежней своей несамостоятельной жизни. Эта история уже закончилась, она осталась там, далеко, в Петербурге, а Джордж теперь стал героем нового фильма, сценарий которого написал сам.

– Ты хоть знаешь, что стал кумиром местных школьниц? – лениво поинтересовался Дмитрий Олегович, отметив, что старые методы на друга больше не действуют, значит, надо срочно придумывать новые способы его растормошить. – У тебя целый сонм поклонниц, и некоторые из них даже имеют наглость звонить в дверь нашей квартиры. Кажется, мои скудные познания в финском языке приводят их в восторг.

– А чего ты хотел, если до сих пор не можешь выучить никаких слов, кроме «спасибо» и «вот дерьмо», – пожал плечами Джордж. Сам он оказался куда более способным.

– Ты знаешь, вот как-то мне до сих пор хватало моего скромного словарного запаса, – огрызнулся господин Маркин, не заметив, что роли поменялись: теперь не он поддразнивал своего старого школьного друга, а ровно наоборот. – Если ты у нас такой полиглот, – объясни бедным девочкам, что ты законопослушный обыватель и им нечего с тобой ловить...

– Завидуешь, что ли? – прищурился Джордж. – Нечему тут завидовать. Во-первых, я в этом городе, кажется, действительно стал законопослушным, как заяц из «Ну, погоди!». А во-вторых, крошки понятия не имеют, какой я есть. Они видят молчаливого иностранца, который приехал неизвестно откуда, варит им кофе, улыбается, говорит с очаровательным акцентом и вообще является неким таинственным лирическим героем, на девяносто процентов выдуманным ими самими!

– С какой любовью ты себя описываешь, – даже заслушался Дмитрий Олегович. – Я, кажется, начинаю понимать, что они в тебе находят. Неплохо устроился. А мы-то ещё думаем, почему ты вечно так поздно возвращаешься с работы. Теперь будем радоваться, что ты вообще достаиваешь нас своего драгоценного внимания, о молчаливый иностранец с очаровательным акцентом!

– Где я устроился, где? – разозлился Джордж. – А тебе кто мешает устроиться так же? Что, я уже не имею права по городу погулять? Должен перед вами за каждый чих отчихиваться? Тьфу, за каждый чих отчитываться?

Дмитрий Олегович ненадолго задумался – заставить Джорджа отчитываться за каждый чих было бы забавно, хотя и утомительно: он ведь старательный, начнёт и вправду километровые отчеты писать.

«Не нужны нам твои отчёты. У тебя всё и так на лбу написано», – подумал он чуть погодя.

«Тогда читай по буквам: О.Т.В.А.Л.И.»

«Какое-то незнакомое финское слово. Леню идти за словарём».

Хлопнула входная дверь, затем послышалась затейливая ругань на всех языках мира. А вскоре в гостиную, на ходу скидывая шубку, шляпку и ботфорты, ворвалась Анна-Лиза. Не обращая внимания на своих соседей, она потянулась к бару.

– Всё в порядке? За тобой не гонятся? – спросил Дмитрий Олегович, вклиниваясь между «мёрде» и «доннерветтером».

– Чёрт бы побрал этих чёртовых суеверующих крестьян! Строящих из себя чёртову богему!

– Так за тобой никто не гонится? – повторил Дмитрий Олегович чуть настойчивее.

Анна-Лиза наконец-то нашла то, что искала, налила в стакан виски, одним глотком опустошила его и потянулась за следующей порцией, бросив через плечо:

– Не пидай в кипятке. Никто за мной не гонится.

В полном молчании она выпила ещё два стакана, потом подобрала брошенную на пол одежду и унесла её в гардероб. Вернулась она совершенно в другом настроении – о недавней буре напоминали только бутылка виски и пустой стакан на полке бара.

– Теперь представляйте себе, что было, – весело сказала Анна-Лиза, усаживаясь за стол между Джорджем и Дмитрием Олеговичем. – Ты, Йоран, подвинься. А ты, Димсу, не сутулься. Слушайте, как я поехала по делу. Клиент захотел встречаться на бензоколонке в Западной Пакиле. И знаете, зачем ему это понадобилось? Чтобы накапать на меня святой воды. Так нет, он не накапал, как приличный человек, он плеснул в меня из трёхлитровой банки! Макияж на свалку, причёска на свалку! Спасибо, хорошо подписали договор.

– То есть не подписали, – уточнил Дмитрий Олегович.

– Да, Димсу, браво-бинго! ты угадал, не подписали. Целая банка воды зимой – это вместо договора!

– Святой воды? Ты сказала – святой воды? О, это крайне серьёзно! – Дмитрий Олегович с притворным волнением вскочил с места. – Я должен немедленно тебя осмотреть.

– Что ещё такое?

– Ах, что за безответственность, дружок? Нам с тобой очень опасно подвергаться воздействию так называемой «святой воды». Учёные доказали, что она содержит в себе изотопы водорода, плохо влияющие на людей нашей профессии. Причём, в зависимости от стажа работы усиливается и опасность. Ну вот, что я говорил – у тебя на руке ожог!

– Это было в насмешку? – оттолкнула его Анна-Лиза. – Отстань, я обожглась ещё утром!

– У меня где-то был отличный крем от ожогов, – поднялся с места Джордж. – Надо только найти, я сейчас принесу.

– Тебя облили святой водой, это понятно, – уже серьёзным тоном произнёс Дмитрий Олегович, как только за Джорджем закрылась дверь его комнаты. – Что было дальше? Что ещё творил этот беспредельщик?

– Крестное знамение творил. Молитвы читал. С тобой не бывало ещё? У меня уже это не впервые. Один стрелял серебряной пулей, но пуля застряла в стволе. Ведь она была самодельная, из чайной ложки. Но сегодняшний просто бешено меня довёл! Он был борцом против мирового зла, а знаешь, кто был злом? Я! Возмущён!

– До глубины души!

– Он сказал, что выманил меня нарочно. В незаселённое место, где адское пламя без вреда меня может поглотить.

– На бензоколонке в Западной Пакиле, – кивнул Дмитрий Олегович. – Самое место для адского пламени. Он уже раскаивается?

– Если к нему пришло сознание. Я применила к нему запрещённый удар, потому что у него за спиной стояло ещё две канистры. Не хотелось знакомиться, что там внутри – святая вода или адский бензин. Прощаясь, я сказала: «Ты купил фальшивую святую воду у китайцев, и от неё я стала ещё злее! Ты ещё приплатишь мне за это шапито! Я уйду невредимая, а до тебя доберусь во сне!»

– Bravo! Прекрасно сказано! Он же теперь несколько дней спать не будет! А потом сам к тебе приползёт и договор принесёт в кожаной папке с золотым тиснением. Подписанный, в трёх экземплярах.

– В этом сомневаюсь. Он сказал, что перетерпит любые искушения. В этом городе становится всё труднее работать. Я устал и хочу на пенсию!

– Вот не знал, что ты думаешь о себе в мужском роде.

– Это думаю не я, а мой автопилот, – отрезала Анна-Лиза. – Он устал и хочет на пенсию, а я хочу дать ему отдых или найти интересное делишко. Нам скучно и тесно в этом одинаковом мире. Люди думают, что купят за деньги всё, что захотят. И поэтому не хотят то, чего они ни за какие деньги не купят.

– Милый автопилот и славная Анна-Лиза! У меня для вас есть потрясающая, сногшибательная новость. Как видно, у меня на родине снова грянул какой-нибудь финансовый кризис, и люди вновь научились хотеть того, чего за деньги не купишь. Сегодня я связывался с куратором, и он порекомендовал нам прогуляться в Санкт-Петербург, потому что там по улицам бродят несметные толпы носителей и некому с ними работать.

– Ты говоришь – нам?

– Тебе и мне. Ведь вы же теперь работаете в группе, сказал мой куратор.

– А про Йорана говорил?

Когда шемоборское начальство – не самое главное, но и не простые менеджеры-кураторы – прознало о том, что Анна-Лиза и Дмитрий Олегович работают не вдвоём (что уже странно для представителей этой профессии, но не возбраняется, особенно если идёт на пользу общему делу), а втроём, причём третий их коллега – простой человек, непосвященный и слабый, нарушители были по очереди вызваны на невидимый ковёр и почувствовали на себе, как страшен может быть гнев начальства, пусть и не самого главного. Прочувствовать-то прочувствовали, но Джорджа в обиду не дали.

– Да ничего они с ним не сделают, это было так – шутка боссов. Мы же подписали отказ от претензий в случае, если по его вине с нами произойдёт несчастный случай, так что расслабься. Тем более, его автопилот умнее наших двоих, вместе взятых: почуял, что лучше ему не знать о некоторых подробностях нашей работы, и начал включать защиту наоборот.

– Это ты опять в ироническом смысле?

– Да нет, теперь я серьёзно. Защита наоборот действует так же, как и обычная защита. Только спасает не секретную информацию от случайного свидетеля, а самого свидетеля от опасной секретной информации. Во многом знании – многие печали. Ну ты, наверное, всегда это знала, вон какая ты бодрая и весёлая, не то что я – сижу, бывало, раздумываю об отвлечённых материях, печалюсь почём зря.

– Как можно вывернуть защиту наизнанку?

– Ну если представить, что наши разговоры – музыка, свободно льющаяся из радиоприёмника, то защита – это что?

– Сам радиоприёмник?

– Наушники. Выставляя защиту, мы с тобой надеваем наушники и продолжаем слышать музыку, а все остальные – нет. А когда мы не выставляем защиту в компании Джорджа, то получается так, будто мы можем пользоваться наушниками, но ленимся или, что ещё хуже,

выдаём третий комплект нашему другу. А он в гробу видал всю эту музыку. Ему больше нравятся политические дискуссии, к примеру. Или он просто спать хочет, а мы тут врубили своё «буц-буц-буц». Поэтому он затыкает уши и спокойно ложится. Вернее, если уж быть совсем точным, сам Джордж ничего не делает. Приходит его автопилот – послушный камердинер, – заглушает наши разговоры, поправляет подушку, выключает свет – и всё, тайна защищена от постороннего человека. Вернее сказать, сам человек защищён от опасной тайны.

– Значит, ничего не стоит на пути у нас и у этого защищённого со всех сторон человека? И надо ехать в Петербург, где все уже отбиваются от носителей, которые знают, что договор подписывать – это хорошо, а святой водой обливаться – плохо?

– Ничего не стоит на пути. Почти. Только у Джорджа работа, в которой он души не чает. Впервые вижу эту спящую рыбу в таком приподнятом расположении духа.

– Приподнялся здесь – приподнимется везде, – отчеканила Анна-Лиза и снова потянулась к бутылке виски. На этот раз Дмитрий Олегович решил составить ей компанию. Очень скоро из своей комнаты вернулся Джордж с тубиком крема от ожогов. Передавая крем Анне-Лизе, он многозначительно оглядел стол и сообщил, что, пока аристократы дуют вискарь натошак, пролетарии планируют попивать пиво под хорошую закуску, и неспешно двинулся в сторону кухни. Аристократам ничего не оставалось, как отправиться за ним следом.

Спустя пару часов этой троицей было принято целых два разумных решения. В Питер – ехать. За пивом больше – не ходить.

Большую часть некогда первого этажа особняка Тринадцатой редакции, постепенно ставшего этажом подземным, именуемым для удобства подвалом, занимает книгохранилище. Благодаря отвратительной репутации Мёртвого Хозяина Дома, издательство «Мега-бук» арендовало его у последнего владельца за такую смехотворную сумму, что не было даже и речи об аренде дополнительного складского помещения где-то на окраине. Поэтому с самого первого дня офис и склад прекрасно сосуществуют под одной крышей, на радость экономным владельцам компании и бережливому Константину Петровичу.

Заблудиться на складе проще простого: все промежуточные владельцы здания начинали перепланировку именно с первого этажа. Но стоило им только приступить к строительным работам, как из-под земли доносился гул, или из стены выходила бледная фигура в чёрном сюртуке, или с потолка начинала капать кровь, или происходило ещё что-нибудь в высшей степени неординарное – Мёртвый Хозяин не любил повторяться, – и строительство заканчивалось.

Завернув под лестницу и спустившись по скрипучим деревянным ступеням, Виталик поставил на пол коробку со снедью и задумался: ничего не забыл? С тех пор как Гумир поселился у них в подвале, к обязанностям Техника добавилась ещё одна: следить за тем, чтобы у компьютерного гения всегда была еда и чтобы никто не мешал ему трудиться. Пока желание носителя – «оставьте в покое и дайте работать» – исполняется, чутким разведчикам Лёве с Наташей ничего не грозит. И всем остальным тоже ничего не грозит. Потому что даже привычный ко всему Кастор заметил, что держать в подвале носителя – это почти так же увлекательно, как жить на вулкане. Чуть только дела пойдут не так – его желание вновь активизируется, привлекая к себе (а значит, и к тайному убежищу мунгов!) толпы шемоборов.

«Ну, сейчас бояться нечего. Даже если Цианид свихнётся и попытается припахать Гумира к работе, смертоносный шемоборский отряд доберётся до нас не сразу. Вокруг столько желающих что-то желать, проще заняться ими, чем бродить по нашему лабиринту!» – легкомысленно подумал Виталик, подхватил коробку и, размышляя о странном нашествии носителей, углубился в складские закоулки.

Всякий раз он спускается в подвал практически как в царство мёртвых: здесь очень легко, всего один раз свернув не в ту сторону, попасть в ловушку, выбраться из которой про-

стому смертному не под силу. В этом лабиринте ориентируются только сестры Гусевы, да ещё Гумир, пристрастившийся бродить по складу в моменты острого творческого кризиса, когда ему кажется, что его гениальное детище не заработает никогда.

Пройдя мимо душевой, Виталик вновь задумался о странном нашествии носителей, миновал точку невозвращения – и пришел в себя только после того, как окончательно заблудился и уткнулся носом в тупик.

– Поздравляю, – мрачно сказал он себе, – здесь ты и сдохнешь, и только через сто лет бригада грузчиков найдёт твои истлевшие косточки.

Виталик очень живо представил себе, как будут истлевать его косточки, как треснут под каблуком проводящей на складе инвентаризацию Галины Гусевой его очки... Он поставил коробку с провизией на пол и уткнулся лбом в стену, сложенную, как из бетонных блоков, из пачек с книгами.

– В следующий раз... Если следующий раз будет, конечно, а я не издохну тут, доев последний бутерброд... буду рисовать на этих пачках указующие знаки. Типа стрелок.

Виталик оглядел глухую стену, доходящую до самого потолка, – разобрать её не получится: десятки, а то и сотни килограммов разумного, доброго, вечного, заключённого в пачки, упадут ему на голову и в два счёта раздавят. Ну или хотя бы покалечат. «И не факт, что удастся дотянуться до телефона, чтобы позвонить 01, 02 и 03».

– Тук-тук – кто там? – Пленник лабиринта постучал себя пальцем по лбу.

Для экстренной связи с Гумиром сотрудники Тринадцатой редакции используют секретный номер ICQ. Достаточно было отправить ему сообщение с описанием компьютерной проблемы – и проблема через некоторое время решалась как бы сама собой. Виталик достал из кармана телефон, запустил ICQ и, молясь о том, чтобы Гумир не был занят чем-то очень важным, написал: «Я заблудился у тебя в подвале. Стою у стены из „Лечения пиявками икоты и зевоты“. SOS!»

Через пару секунд пришел ответ:

«Дебил. Стой, где стоишь».

Это означало, что помощь уже близко.

– Не знаю, как и благодарить-то тебя! – восклицал Техник, шагая вслед за Гумиром. Коробку с едой компьютерный гений решил донести до своей берлоги сам – а то мало ли, вдруг «дебил» опять заблудится?

– Пустишки, – бросил он через плечо, – позвонил бы кому-нибудь, тебя бы нашли. Слушай, а что, это «Лечения пиявками икоты и зевоты» кто-то покупает? Совсем, что ли, ума нет?

– Покупают, покупают. Галина с Мариной как раз сегодня говорили, что на них большой спрос... И что в прошлый раз мы потеряли... потеряли... Бинго! Мы их снова нашли. Сможешь показать тёткам Гусевым это гиблое место с пиявками?

– Да не вопрос.

От стены с пиявками до логова Гумира было не так далеко – Виталик мог бы выйти и сам, если бы не впадал в панику. Чтобы как-то отблагодарить своего спасителя, Техник обмахнул маленький столик сравнительно чистой тряпицей и проворно начал раскладывать на нём провизию.

– Это тебе от меня, это от Наташи. Это от Лёвы – зацени, какие он пироги печь умеет. Эту хрень консервированную я бы тебе не советовал – мне кажется, она у Цианида дома год в холодильнике провалялась. Вот каша быстрорастворимая. Меня когда на хавчик один раз пробило – только ей и насытился. На, на, покушай.

– Ты со мной как с собакой, – покачал головой Гумир, осторожно принюхиваясь. – Я, кстати, куда лучше собаки. Собака просто лает на воров, гав-гав, а я слова им говорю.

– Какие слова? – заинтересовался Виталик.

– Ругательные.

– А к тебе что, воры проникли?

– Представляешь – взяли и проникли, – с ласковой угрозой кивнул Гумир, – сами собой. Потому что кое-кто не закрыл окно в своём кабинете. Проморозил всё помещение насквозь, да ещё и дегенерат этот умственный сюда прилез.

– Так мой кабинет на втором этаже, а ты – тут, – растерялся Виталик.

– А я как раз пошел искать, откуда это так холодом тянет. Зима наступила, если ты не заметил.

– Да нет, я как раз заметил, – признался Виталик. – А вор чего?

– Чего? Залез в твой кабинет и завис. Там же у тебя как: бери, что хочешь, да я ничего из этого не хочу. Как на помойке, только мусору больше.

– Я бы на твоём месте не осуждал ближнего. – Виталик многозначительно оглядел Гумирову берлогу.

– Ладно, твой кабинет – твоё дело. А тот анацефал меня как увидел – так и попятился. Очень испугался. Говорит: «Хозяин, ты вернулся?»

– А ты что?

– А я ему так грозно: «Кто пришел мне мешать? Убью!» Ну и выругался. Чтоб страшнее было. Он – в окно, и тикать. А ещё говорят – незваный гость хуже татарина. Да хуже меня никого и быть не может, вон как незваный гость быстро драпанул!

– Он тебя за Мёртвого Хозяина принял! – заржал Виталик. – Вот почему бабки сегодня шептались. Ай да молодец ты!

– Какого ещё такого Мёртвого?

– Это местная легенда такая, – не стал вдаваться в подробности Виталик. – Якобы в этом доме раньше обитал злой дух, типа привидения. И всем вредил. Местные его прозвали Мёртвый Хозяин.

– Ха, так этот идиот меня за привидение принял? А если кто в следующий раз полезет, чего делать?

– В следующий раз я всё-таки постараюсь окна закрывать. Ну а если не постараюсь... Тогда смело говори: «Кто пришел тревожить мой покой?» Можешь повыть ещё, я разрешаю.

– Вот я и говорю – как собака у тебя. Хорошо хоть меня родители Мухтаром не назвали, а то могли ведь такую подляну подкатить. Ладно, давай-ка я поем, в самом деле. Со вчерашнего дня, не отрываясь, за компьютером сижу.

– Я чайник поставлю? – преданно заглядывая в глаза и. о. Мёртвого Хозяина спросил Виталик.

– Ты поставишь. Сейчас за водой пойдёшь, заблудишься, мне тебя опять из пасти у лечебных пиявок вырывать? – проворчал Гумир. – Сам схожу!

После того как продуктов на столе значительно поубавилось, а чай был заварен и нетопливо разлит по шербатым чашкам, Виталик решил задать Гумиру вопрос, мучивший его со вчерашнего вечера:

– Скажи, а может такое быть, что некое явление вдруг начинает повторяться чаще, чем ему положено, да ещё и совпадает по нескольким параметрам, чего вообще быть не может.

– По нескольким – это по скольким?

– По трём.

– Мало. Добавь хотя бы два, лучше больше. И потом, смотря что это за явление.

– Я тебе лучше на схеме покажу, вот, я схему набросал. – Виталик достал из кармана сложенный вчетверо листок, аккуратно его развернул и положил на стол перед Гумиром. – Смотри, это – желания. Все эти линии. Они – выполнимые, причём выполнимые без ущерба для кого бы то ни было, а ещё – носители желаний раньше не были никем замечены.

– А в среднем эти факторы – выполнимость, незамеченность и что ты там ещё сказал – в общей выборке с какой периодичностью повторяются?

– Ну в целом так. Каждый из рассматриваемых по отдельности – всегда оказывается более вероятным.

– То есть в этом нет ничего удивительного. Удивительно то, что само явление, которое мы для удобства называем желанием, повторяется чаще, чем обычно, поэтому кажется, что совпадений слишком много. Так что надо либо попытаться дать объяснение этому, либо найти ещё несколько параметров и тогда уже делать вывод.

– Параметров? А какие ещё могут быть параметры?

– Какие угодно. Время возникновения процесса, место, спонтанность...

– Спонтанность – это как?

– Ну, например, растут на яблоне яблоки – сами по себе. Спонтанно. От природы. А потом приходит садовод-селекционер и говорит: пусть половина яблок будет грушами. А ты, если не знаешь, что приходил этот селекционер-чудила, потом ломаешь голову: откуда это на яблоне половина яблок – груши?

– То есть ты думаешь, что пришел кто-то и начудил что-то? И если время и место совпадают, то останется только найти этого селекционера?

– Я этого не говорил. Я вообще понятия не имею, о чём ты и какой процесс обозначаешь словом «желание». Так, просто высказал предположение. Стоп, ты сказал – время и место?

– Ну да! – с надеждой повторил Виталик. – Ты догадался, в чём дело?

– Так, уходи, мне некогда. – Гумир уже сидел за компьютером. – Ну точно, время и место, время и место, и тогда – да.

Виталик молча убрал со стола, прихватил пустую коробку и незаметно удалился. На этот раз он не заблудился, хотя мысли его опять были далеко-далеко. Дойдя до своего кабинета, он уже почти придумал, как можно считать с датчика время возникновения желания.

Иногда, когда с человеком вдруг начинает происходить всё правильно – с его точки зрения правильно, так, как он сам для себя придумал и долго-долго мечтал, и это «правильно» становится настолько очевидным, что глупо скрывать, – окружающие перешептываются: продал душу дьяволу, не иначе! А человек и не думал ничего продавать, он наоборот – снял свою душу с торгов, каких бы то ни было, и она, перестав быть товаром, наконец-то обрела желанную свободу и с лёгкостью получила всё, что ей причитается.

Маша Белогорская не задумывалась о том, что из врождённой грамотности можно извлечь материальную выгоду, наивно полагая, что ничего особенного в этом умении нет. Оказалось – можно, и ещё как. Столько вокруг неграмотных людей. Особенно среди писателей. Если за ними не вычитывать книжки – получится позор и стыд.

– Всегда любила перечитывать книги, а тут – такая удача! С первого раза пропускаешь столько интересных подробностей. Ведь гонишься-то за сюжетом, скорее-скорее, а подробности как будто нарочно отвлекают. Хотя при втором и третьем прочтении расцветают именно они. Ради них-то как раз и стоит перечитывать книги. Так что теперь я буду сначала знакомиться с сюжетом, вычитывая текст, а затем, уютно устроившись в кресле, смаковать подробности.

– Это поначалу! – предостерёг её Шурик. – А потом привыкнешь, и будешь вычитывать, не обращая внимания на сюжет, и подробности тебе эти будут даром не нужны.

– Посмотрим, – загадочно улыбнулась Маша и забрала первую корректуру на дом.

Единым махом сбылись сразу все её желания – чтобы компания интересных людей, творящих самые настоящие чудеса, приняла её к себе, чтобы можно было читать столько, сколько душе угодно, чтобы работать по ночам, когда все спят, внимательно вчитываясь в безграмотные и не очень строки, чтобы каждый день узнавать что-то новое и чтобы... да нет, ей показалось.

Просто Константин Петрович старается развить её талант, вот и всё, и к остальным он так же добр и заботлив. Знала бы девушка, каким нечеловечески «добрым» и феноменально «заботливым» может быть коммерческий директор Тринадцатой редакции!

Даже здоровье любимой мамочки пошло на поправку. Едва только Маша сообщила ей о том, что она вновь устроилась на работу, Елена Васильевна охнула, схватилась за сердце и заболела смертельной, неизлечимой, неизвестной науке (и участковому врачу) болезнью.

– Ты должна взять больничный по уходу за больной немощной старухой! – простонала она. – Чувствую, что на этот раз недолго мне осталось мучиться!

Но когда выяснилось, что Маша может совмещать заботу о немощной старухе со своей новой работой, болезнь как рукой сняло. Ну не чудо ли?

Впрочем, в остальном всё было без изменений: каждое утро мать распахивала дверь в Машину комнату и голосом старшей пионервожатой из лагеря для особо ленивых детей кричала:

– Вставай, бездельница! Солнце уже высоко, а ты всё ещё дрыхнешь, лахудра! Кто рано встаёт – тому Бог даёт! А кто поздно встаёт – тому поддаёт! Чем ты всю ночь занималась? Книжки до утра читала? Ночью спать надо, а не заниматься незнамо чем! Чем дурию маяться, мужика бы себе нашла. Замуж тебе пора, а то не возьмёт никто скоро, даже если мы приплатим!

Елена Васильевна словно не понимала, что её дочь по ночам читает не для удовольствия, а потому, что в этом заключается её работа. И делает это не из духа противоречия, заставляющего её работать тогда, когда все прочие люди спят и видят сны, а потому, что днём ей не удаётся сосредоточиться: матери всегда есть чем её отвлечь.

– Ну что, меня никто не слышит? Не притворяйся спящей, я вижу, что ты моргнула! Долго я ещё ждать буду? Завтрак давно на столе, хочешь, чтобы всё остыло?

Маше казалось, что месяц назад мать начала готовить завтрак на две персоны только для того, чтобы у неё был ещё один повод разбудить её пораньше, осудить и отругать.

– Кудрявая, что ж ты не рада весёлому пенью гудка? – пропела Елена Васильевна и усе-лась за стол, давая понять, что из этой комнаты она не уйдёт, пока своего не добьётся.

– Я не кудрявая! – обиженно сказала Маша.

– Вот лентяйка, а! Я так и подумала, что ты давно уже проснулась и лежишь в кровати, лодырничает! Давай-давай, подъём. Я сегодня оладушки испекла. Как ты любишь.

Маша села в кровати и удивлённо уставилась на мать.

«Оладушки как ты любишь» – с яблочным вареньем и сметаной – в последний раз она ела лет в пять. Тогда у матери было необъяснимо хорошее настроение, вот она и расстаралась. Окна были вымыты и распахнуты настежь, на подоконниках можно было сидеть, свесив ноги на улицу, и никто не посмел бы окрикнуть: «А ну быстро слезай, а то сверзишься – костей не соберёшь!», двор был чисто умыт недавно прошедшим дождём, у кого-то из соседей была свадьба, очень деликатная и радостная, никто не дрался, не швырял в окно пустые бутылки – потанцевали под песни Аллы Пугачевой, покричали несколько раз «Горько!» и разошлись. Вечер был светло-синий, он плыл над городом невесомой тенью, и казалось, что от соседней крыши вот-вот отделится маленькая круглая фигурка с пропеллером за спиной и, опустившись на подоконник, представит: «Я – лучший в мире Карлсон, давай пошалим!» Маша уснула, точно зная, что в её жизни вот-вот случится чудо, но на следующий день у матери было обычное, уныло-мрачное настроение, и чудо отступило, растаяло без следа.

На этот раз вынырнуть из сказки пришлось гораздо раньше.

– Ты только посуду помой, я за тобой убирать не собираюсь! Вчера всю ночь бегала на кухню, чай заваривала, мало того что мне спать не давала, так ещё оставила потом всё на столе – барыня нашлась, убирайте за ней.

– Не вопрос, – подражая Виталику, бодро кивнула Маша, пытаясь удержать ускользающее весенне-детское воспоминание.

– Не вопрос? Ты как с матерью разговариваешь? Не вопрос, видите ли.

– Ну хорошо. Вопрос. Вопрос такой: чем мыть посуду? Хозяйственным мылом, порошком, шампунем, гелем для мытья посуды или просто ополоснуть холодной водой и, не протирая, поставить в шкаф?

– Ой, да ну тебя, делай как знаешь, – махнула рукой мадам Белогорская и гордо удалилась в свою комнату. Это была какая-то неправильная игра, не по её правилам. Дочь не должна соглашаться с ней во всём, не должна улыбаться и кивать. В этом нет никакого смысла. Её задача – обидеться, огрызнуться, топнуть ногой, заявить, что она сама знает, что делать со своей жизнью, как это много раз случалось раньше. Кому нужна её дурацкая лицемерная улыбка? Эмоции, негативные, сочные, с пылу с жару, – вот то, что старательно пытается выбить из своей жертвы каждый домашний тиран с перегоревшим желанием внутри.

Человек, не сумевший вовремя реализовать своё заветное желание, упустивший его, спаливший зазря, чаще всего приходит к выводу, что не надо мечтать, не надо на что-то особенное надеяться: живи, как живётся, потому что могло быть и хуже. Это бесценное знание, полученное путём неправильного осмысления пережитого, вернее – не пережитого, люди с перегоревшим желанием с готовностью несут другим, даже если другие их об этом не просят.

С самого детства Маша подвергалась воспитанию унынием и безнадёжностью, мать – для её же пользы – рассказывала и показывала дочери, что мир жесток и несправедлив, но учение пошло не впрок, причём не только благодаря счастливой встрече с мунгами, но и в результате собственных усилий жертвы. Потому что мунги – они не волшебники, их дело – заветные желания выполнять, а наводить порядок в своей душе каждый человек должен самостоятельно. И даже не то чтобы должен. Может. Если захочет. Маша захотела – и с тех пор уже не останавливается, отрезает от пирога жизни всё более и более сочные куски.

В головном офисе издательства «Мегабук» давно уже подумывали о том, чтобы сократить часть так называемых творческих расходов за счёт передачи некоторых задач более сговорчивым питерским фрилансерам. Дело было за малым – Тринадцатой редакции следовало обзавестись ещё одним (вдобавок к Константину Петровичу) штатным занудой, который смог бы координировать работу многочисленных переводчиков, корректоров, дизайнеров и художников. И вот, с появлением Дениса, этот вопрос решился наилучшим образом. Он не только приглядывал за Шуриком и Виталиком, периодически выполняющими разные работы по заказу Москвы, но и раздавал задания Маше Белогорской и прочим замечательным людям, даже не имеющим представления о мунгах и их тайной деятельности.

Помимо этого, Денис, едва только попав в подмастерья к Шурику, добровольно взвалил на свои плечи самый каторжный и неблагодарный труд.

– Как ты думаешь, количество рукописей будет уменьшаться, если мы просто сделаем вид, что их не существует? – спросил Денис у своего старшего товарища, окончательно уверившись в том, что его никто не обманывает и он теперь – полноправный сотрудник Тринадцатой редакции.

– Нет, конечно. Может, Даниил Юрьевич знает такой фокус, только вряд ли поделится с нами этим умением в ближайшие лет двадцать.

– То есть получается, что у нас есть только один выход – читать их все, подряд, ни одной не пропуская?

– Читать их все? – с дрожью в голосе повторил Шурик и вполне живо представил, как ему на голову, кирпичик за кирпичиком, обрушивается Великая Китайская стена. Но когда Денис заверил его, что готов выделять по два часа в день на разбор этой самой стены, Шурику сразу стало хорошо и спокойно: кирпичики один за другим улетели обратно в Китай. Оказалось, что до сих пор все они висели у бедного редактора на шее, время от времени напоминая о себе: «Ну, когда ты меня прочитаешь?», «Не тебя, а меня – меня первым прислали!», «А меня зато первым написали!», «А мой автор старше твоего – старшим надо уступать!», «А мой автор зато

гений!», «А вот это уже не тебе решать, а редактору!». И уже хором: «Редактор, ну прочти уже нас, реши, кто прав!»

Маша пришла как раз в тот момент, когда Денис, следуя указаниям своего ежедневника, разбирал «Великую Китайскую стену».

– Привет, я тебе корректуру принесла, – сказала девушка и шлёпнула на край стола папку с рукописью.

Денис вежливо кивнул, посмотрел на часы и заметил, что кое-кто пришел значительно раньше назначенного времени, и поскольку заранее его об этом не предупредили, то он считает, что вправе продолжить заниматься тем делом, которое запланировано у него на сейчас.

– Слушай, ну тебе трудно, что ли, оторваться и с человеком поговорить? – возмущённо воскликнул Шурик.

– Нет-нет, Саша, он прав, я пришла не вовремя, это моя вина, – тут же ступевалась Маша.

– Да при чём тут какая-то вина, вовсе это не вина, а наоборот здорово – взять да прийти раньше, чем надо. Я вот всегда опаздываю, уже прямо не знаю, что с собой делать. Сегодня вот вовремя пришёл – но скольких усилий мне это стоило!

– Нет никакой разницы, опаздываешь ты или приходишь слишком рано. Если бы все люди относились к своему и чужому времени с одинаковым уважением, мы бы жили почти что в раю. У меня есть определённый список дел, которые я должен сделать сегодня, – гнул свою линию Денис, – и я предпочту делать их в строго определённом порядке, чередуя работу за компьютером с беседами и физической нагрузкой. Александр, ты просил напомнить – напоминаю: Наташа вчера опять кого-то нашла, ты собирался заняться этим делом.

– Ой, точно, а ещё Даниил Юрьевич вернулся и вызывал меня к себе! Погибаю! Разрывают! – схватился за голову Шурик.

– Я вижу, ты уже на пути к тому, чтобы наконец-то завести ежедневник! – с интонациями строгого, но справедливого наставника произнёс Денис.

– Я уже на пути к шефу! – вскочил с места Шурик.

Вслед за ним, прихватив со стола папку с результатами своих ночных бдений, на цыпочках ушла и Маша. Ей даже понравилось, что Денис выставил её за дверь – можно было на совершенно законных основаниях засесть в приёмной и понаблюдать за экосистемой Тринадцатой редакции в естественных условиях.

Но на сей раз этому юному натуралисту не удалось спрятаться в засаде – из-за кофейного автомата на неё выскочил Лёва. В левой руке у него был сотовый телефон, в правой руке – трубка от стационарного, и при этом он ещё озирался по сторонам в поисках факса или хотя бы Наташи, которая умеет с этим факсом управляться.

– Подержать что-нибудь? – спросила Маша, которая всегда была рада помочь. Благодаря этому она чувствовала себя частью команды и даже мысленно могла произнести что-нибудь вроде «Мы с ребятами...».

– Ничего держать не надо, это всё нужное. Очень хорошо, что ты пришла! – обрадовался совершенно замотанный пиарщик и начал постепенно разматываться. – Как раз поступил заказ из одного московского журнала – хотят о тебе немного написать.

То есть о «Романе с вампиром», ну и о тебе как об авторе. С этим проблем не будет, книжку они видели, но им нужны фотографии. Скажи, когда тебе будет удобно встретиться с их местным фотокорреспондентом, – и я его на тебя живо натравлю.

– Ну вот, начинается, – расстроилась Маша. – Я-то надеялась, что книжка пройдёт незамеченной и мне не надо будет корчить из себя невесту что.

– Если она пройдёт незамеченной – меня накажут! – сурово сказал Лёва. – Так что не надейся.

– Ой, ну тогда я согласна на корреспондента... в любое время, – потупилась Маша. – Я же не подумала о том, что вам-то как раз надо это продавать. Извините, ребята, мне следовало сразу отказаться от этой глупой затеи.

– Та-ак. – Уверенной походкой большого начальника маленького коллектива в приёмную вошел Цианид и понял, что упустил что-то очень важное. – А что это за глупая затея тут затевается? И почему ты, Лёва, всё ещё здесь, а не поехал договариваться с телевизионщиками?

– Кое-кто вообще должен сейчас решать проблему с разваливающимися шкафами, а не командовать, когда его не спрашивают, – огрызнулся Лёва и сделал вид, что ищет что-то важное в записной книжке своего телефона.

– Ничего ужасного мы пока ещё не затеваем, – разрушила всю интригу Маша. – Просто какой-то фотограф хочет пощёлкать меня для журнала. Слушайте, а может быть, пусть он Наташу сфотографирует?

– Чего? – не понял Лёва и тут же перестал притворяться, что мобильный телефон на данном этапе представляет для него больший интерес, чем собеседники.

– Ну вместо меня. Никто же меня в лицо не знает, а статья в журнале нужна для рекламы, верно? Ну а Наташа такая хорошенькая, что только самый бессердечный гад не купит написанную ею книгу.

– Да, Наташа хорошенькая, – расплылся в улыбке Лёва.

– Ну это кому как, – буркнул Цианид. – На мой вкус, вы, Маша, гораздо эффектнее.

– Вау! – В приёмной очень некстати возник Виталик. – Самое интересное-то я и не пропустил!

– Да тише вы! – погрозила ему пальцем Маша. – Не заставляйте человека брать свои слова обратно. Мой строгий учитель только что сделал мне комплимент, а тут вбегаете вы и пытаетесь всё испортить.

– А чего, сегодня по календарю ЮНЕСКО день образцовой вежливости? Все со всеми выкать должны? Ну надо же, а меня и не предупредили! – пожал плечами Техник, метнулся к кофейному автомату, по пути сцапал с этажерки самую последнюю чистую чашку, нацедил себе двойную порцию эспрессо – и выскочил из приёмной.

– А я и не собираюсь брать свои слова обратно, – твёрдо сказал Константин Петрович. – Что сказал – то сказал. А выкать и правда давайте перестанем.

– Давайте! – передразнил его Лёва. – Но с фотографией пусть будет всё же по-честному.

Шурик вышел из метро и беспомощно огляделся по сторонам: когда-то давно, ещё в прошлой жизни, вернее даже будет сказать – в странном сне, приснившемся в прошлой жизни, причём не ему самому, а его соседу по квартире, Шурик каждую неделю приезжал сюда, на станцию метро «Площадь Александра Невского», где его ждали друзья, приключения и целые охапки новых впечатлений и удивительных открытий. Потом друзья выросли и поскущнели, восприятие притупилось – но только на время, потому что так было надо. Гусеница спряталась в кокон, ещё раз всё основательно обдумала – и вылетела в мир большой пёстрой бабочкой, радующей глаз. Ощущения стали ярче, чем в подростковом возрасте, – может быть, оттого, что к ним не примешивались больше надуманная тоска, высосанная из пальца горечь тринадцати прожитых лет, неумело имитируемый цинизм и прочие, в целом безопасные, детские болезни.

«Куда всё подевалось-то, тут же ларьки стояли вроде», – почесал в затылке Шурик. Всё-таки он давно здесь не был – случайно или нарочно, но он обходил этот заповедник воспоминаний стороной, и теперь растерялся. По всему выходило, что носителя надо искать где-то здесь. Сейчас, из-за этого водопада желаний, Разведчики не всегда могут запомнить приметы носителя, что крайне усложняет дело. Но на этот раз Наташа пошла ещё дальше – она даже не помнила, мужчина это был или женщина и чем именно он её так достал, что она даже датчик к нему прилепила. Людской водоворот, вытекающий из метро, грозил смыть задумавшегося мунга и унести его в сторону остановок общественного транспорта, куда Шурик совсем не

собирался. А собирался он – дайте сообразить – куда? Неужели Наташа ошиблась? Но если Разведчик ещё может ошибиться, то датчик не способен на столь человеческий поступок. Значит, надо сосредоточиться и понять, кто же из окружающих людей именно здесь и именно в это время суток бывает чаще, чем где бы то ни было ещё. Толпа движется и движется мимо – сколько же людей на этом свете, кто бы мог подумать? Может быть, это не носителей стало слишком много, а население города внезапно увеличилось?

Шурик мотнул головой и вернулся к наблюдениям. Вот торгует неудобными спортивными штанами какой-то неспортивный человек, вот стоит уличный музыкант и поёт жалостливые народные песни. Один или другой? Или кто-то третий?

После краткого разговора с высшим начальством Даниил Юрьевич немедленно вызвал к себе Шурика.

– Дело, как водится, непонятное, но серьёзное, – вкрадчиво начал он. – Кастор меня выслушал, на некоторое время пропал из зоны ощущений, вернулся, заявил, что ничего не понимает, и вообще ему не хватает данных. Пока что ему припоминается единственный случай стихийного сборища носителей на небольшой территории. Именуемый для простоты строительством Вавилонской башни.

– Не слабо! – не удержался Шурик.

– Были и другие, конечно. Но, повторяю, данных не хватает, выводы делать рано. Кастор сказал, что лучше не доводить дело до угрозы вмешательства пятой ступени и выше.

Шурик вздрогнул. Пятая ступень – это же, наверное, очень серьёзно?

– Не вздрагивай, это я самый страшный пример привёл. Может быть, у Виталика техника сбоит – я его сейчас тоже вызову, пусть перепроверит всё, может быть, магнитные поля смещаются и датчики наши барахлят. Может быть, комета к нам летит или представители иной цивилизации высадили дружественный десант. Твоя задача – добыть информацию. А для этого придётся взять за жабры очередного носителя.

А дальше – делай что хочешь, но мне нужно знать, что толкнуло его на этот тернистый и извилистый путь желаний. Из всей нашей банды я выбрал именно тебя. Потому что только ты обладаешь редким сочетанием талантов – и сам разговариваешь, и других слушаешь, и как-то умудряешься не переборщить ни с тем, ни с этим. Всё, считай, что это был аванс. Остальные похвалы получишь, когда вернёшься ко мне с победой.

– А если... – начал было Шурик, но шеф так выразительно посмотрел на него, что бедняга проглотил и продолжение этой фразы «Я не справлюсь», и следующую за этим самонадеянно-жалобную реплику: «И из-за меня случится конец света».

Теперь он стоял неподалёку от метро, зорко глядел по сторонам и бочком-бочком приближался к торговцу спортивными штанами. С другой стороны площади куда более бодрой походкой к этому гражданину шествовал милиционер Петрушин, сразу же после инцидента в видеопрокате поменявший прежний участок на более спокойный. Впрочем, манеры он сменить забыл, поэтому, едва подойдя к намеченной жертве, будничным тоном потребовал предъявить паспорт и разрешение на торговлю. Шурик ещё никогда не видел, чтобы такой неспортивный с виду человек так шустро дал дёру.

– Я его здесь вижу первый раз, но рожу эту наглую запомнил! – назидательно сказал милиционер Петрушин слегка прибалдевшему Шурику и двинулся прочь.

«Не носитель, – с облегчением подумал Шурик. – Раз его тут видят впервые, значит... Значит, – певец?»

При ближайшем рассмотрении певец оказался певицей, просто предыдущую песню полагалось петь низким голосом, а сами песни народными были только по форме, тексты же у них были вполне современные – впрочем, понятно это становилось не сразу. Заслушавшись (голос у исполнительницы был чистый и сильный) плачем по некой невесте, Шурик с удивлением узнал в этой истории краткое содержание двух серий фильма «Убить Билла». Благообразные

гражданки, спешившие в Александро-Невскую лавру, одобрительно шмыгали носами и складывали к ногам исполнительницы мелкие купюры. Следующая песня была чуть повеселее и посвящалась уже «Пиратам Карибского моря».

– Ай, здорово как! – зааплодировал Шурик и полез в карман за кошельком. Потом полез в другой карман. Потом за пазуху. Наконец обнаружил деньги в декоративном кармашке, расположенном чуть ниже левого колена. Как туда попал кошелек, а также мобильный телефон, ключи от квартиры и маленькая бутылочка газированной воды, он уже не помнил.

– Дошло? – красивым голосом спросила певица, стрепла с земли чемоданчик с деньгами и сделала рукой приглашающий жест.

– Пойте-пойте, что вы! – испугался Шурик. – Так красиво же! А я никому не скажу.

– Пошли, я угощаю. Я всегда угощаю тех, до кого доходит. Сообразительных людей надо поощрять. И вообще – интересно с ними. С вами. С нами.

Очень скоро Шурик и его новая знакомая, велевшая называть себя Амнезиной, потому что своё имя она не любит, фамилию ненавидит, а отчество забыла, уже отогревались в небольшой замызанной рюмочной и заказывали первые двести грамм. Оказалось, что Амнезина поёт на улице исключительно для удовольствия, а ещё потому, что дома тонкие стены, а ограничивать себя и петь вполсилы она не желает. Она и так ограничивает себя на работе! Раньше она пробовала петь на крыше, но какие-то паникёры из дома напротив вызвали пожарный вертолёт. А здесь даже забавно – стоишь, поёшь, мимо проходят люди, и думают, что ты таким образом на жизнь себе зарабатываешь.

– А чем ты зарабатываешь? – поинтересовался Шурик.

– Да в турфирме я работаю, – сквозь зубы процедила Амнезина, – не о чем тут говорить.

– Что, так всё плохо?

– Хуже некуда. Отправляешь за границу всяких уродов, которым всё равно, где пить пиво и делать шопинг, а сама сидишь и на этот двухнедельный отпуск полгода копишь. Ну вот на фиги ты эту тему поднял? Только настроение испортил. Сам-то кем служишь?

– Я – редактор, в издательстве.

– Тоже, значит, офисный планктон? – сразу подобрела Амнезина.

– Ну почему же сразу – планктон?

– А кем ты себя возомнил? В офисе сидишь с девяти до шести, штаны протираешь? С понедельника по пятницу, как все? А я вот не как все. У меня в субботу рабочий день, чтобы всем этим туристкам было удобнее, всё же для них в этом мире. Зато в понедельник я балду пинаю. Смешно так – все похмельные, несчастные, тащатся на работу, а я гуляю с самого утра с фотоаппаратом и кручу в карманах фиги. А вот ты гуляешь с фотоаппаратом?

– Я не умею фотографировать. Но фотографии люблю – покажешь свои?

– Как пойдёт. Мы с тобой пока что условно на «ты». А что, ты небось сидишь, редактируешь книги о дальних странах и думаешь – вот бы мне туда! Бывает такое?

– Ну бывает, – артистично соврал Шурик.

– А жизнь твоя тем временем проходит зря?

– Ммм...

– И мечты твои сбываются у кого-то другого?

– Э...

– А ты даже боишься себе в этом признаться. А ты не бойся, а признайся. Если ты посмотришь в глаза своей мечте, хуже тебе не станет. Веришь в такую бай-ду? И я не верю. А он говорил – надо поверить и посмотреть. Только вот сомнения у меня: я всю жизнь мечтаю одно и то же, и толку что-то нет.

– Кто говорил? Психолог? – выдержав необходимую паузу, переспросил Шурик.

– Какой психолог? Я что, на психа похожа?

– А кто же ещё в наше время говорит о мечтах?

– Это ты точно, – вздохнула Амнезина и опустошила свою рюмку залпом, не поморщившись. – Не знаю, кто он там по образованию, он корочки мне не показывал. Но как минимум – хороший психолог. Этот дядя, который ведёт семинар.

Даниил Юрьевич не зря отправил на это задание не Читателя, способного ощутить и прочесть любое достаточно сильное желание, а Попутчика, которому люди, как правило, сами рассказывают о своих желаниях и иногда даже подсказывают способы их выполнения. Если Читателем надо родиться – это талант, вроде абсолютного музыкального слуха, то способность стать Попутчиком в себе может развить каждый. Возникают эти способности из-за одной очень распространённой ошибки. Стараясь лучше понять другого человека, молодые мунги пытаются копировать собеседника – его манеры, жесты, мимику, интонации, полагая, что со временем сроднятся с ним и таким образом даже поймут, что у него на уме. Разумеется, этот зеркальный эффект не помогает проникнуть в мысли другого человека, зато пробуждает в нём доверие к кому-то такому похожему, почти родному. Со временем Попутчик так оттачивает свои способности, что, глядя на него, носитель начинает говорить о себе во втором лице. Так проще – глядеть на почти себя и учить его жизни: мол, в этом ты не прав, да и в этом тоже, и желание твоё наверняка невыполнимо, а ты, дурилка, размышляешь? В подобных ситуациях главное – не обижаться и кивать, соглашаясь со всеми выпадами собеседника, потому что это он не едва знакомого человека по стенке размазывает, это он себя самого хлопает по щекам, чтобы пробудить от опасной и вредной спячки.

Амнезина тоже воспользовалась возможностью взглянуть на себя со стороны и довольно быстро призналась, что хотела бы путешествовать по свету, зная, что о деньгах беспокоиться не надо, и, желательно, заниматься при этом любимым и интересным делом. Если дело это будет приносить доход – тем лучше, но не обязательно. Лишь бы он был, этот доход, хоть какой-нибудь. Любимых дел у Амнезины было три – петь во весь голос, сочинять «народные» песни по мотивам популярных фильмов и фотографировать неподвижные объекты. Нелюбимых дел у неё было всего два – работать с девяти до шести в офисе туристической фирмы и сидеть по вечерам в дешевой рюмочной, – но почему-то именно этим делам она посвящала большую часть своей жизни. Впрочем, до встречи с загадочным «дядей, который ведёт семинар», Амнезина даже не задумывалась о том, что всё у неё настолько плохо. «Многие так живут!» – успокаивала она себя. Но семинар, на который затащили её коллеги, заставил её усомниться в этом спасительном утверждении.

– Кажется, ну что плохого случится, если всем рассказать о своей мечте? – вздохнула она.

– Ничего не случится, – уверенно кивнул Шурик. – Если мечта есть, то она есть, признаёшь ты её или нет, а если ты её начнёшь на ходу выдумывать, чтобы быть не хуже других, то она не обретёт силу, ведь ты же в неё на самом деле не веришь.

– Ну вот примерно где-то так, – кивнула Амнезина. – Поэтому я бодро вылезла вперёд, пока остальные трусили, и начала рассказывать о том, как здорово было бы путешествовать с фотоаппаратом по всему миру. Но чем дальше я говорила, тем хуже мне становилось. Должно же быть наоборот, верно?

– Не знаю, как должно быть, – честно признался Шурик. – Но я уже очень хочу на этот семинар.

– Да фуфло это. Знаешь, я думала, что в конце, когда все выговорятся, ведущий поделится с нами каким-нибудь простым рецептом счастья. А он такой напустил на себя таинственный вид и говорит: вот, вы все знаете, чего хотите, так фигли этого не добиваетесь?

– Так и сказал – фигли? – обрадовался Шурик.

– Ну что-то такое, я уже не помню. Шарлатан.

– Думаешь? А если бы он сказал: кривле-кривле-бумс, сейчас вы все придёте домой и ваши желания исполнятся, обещаю? Тогда бы он был не шарлатаном, а исключительно честным обманщиком?

– Да, ты прав, пожалуй, – засмеялась Амнезина. – Может, в этом что-то есть, просто я не догоняю, потому что дура. Хочешь, отведу тебя туда?

Шурик кивнул.

– Тогда ничего не планируй на следующую субботу и запиши мне куда-нибудь свой телефон. Вот ручка, дарю. С телефоном и адресом нашей турфирмы, соберёшься в отпуск – обращайся только к нам. Тьфу ты, чёрт, на работу мне идти завтра, а я уже сегодня только о ней и думаю. Найди тут, что ли, салфетку какую-нибудь чистую или вот на обратной стороне бумажной тарелки напиши, так будет нагляднее, а я её на стенку повешу в качестве украшения.

– Слушай, а всё же ты здорово придумала – петь у метро, да ещё и такие песни, которые на самом деле совсем не то, чем кажутся, – решил подбодрить Амнезину Шурик, старательно записывая на тарелке номер своего мобильного и адрес электронной почты.

– Об этом здорово рассказывать. Здорово написать в свой блог, чтобы собрать кучу комментариев. Потому что это же так странно и необычно – я, офисный планктон, время от времени выхожу к метро и пою там – вы обалдеете! – про разные модные фильмы на мотив народных песен. А потом тех, кто понял, о чём я пою, угощаю в ближайшей рюмочной всякой общепитовской отравой. Другой офисный планктон завидует и пытается придумать что-нибудь хоть вполтину оригинальнее.

– Не так уж и плохо.

– Неплохо. По сравнению с тупыми клиентами и вечным авралом с горящими путёвками. Но теперь я точно знаю, что хочу путешествовать. Петь можно в любой точке земного шара, а угощать новых знакомых можно чем угодно и где угодно. Я бы на самом деле с куда большим удовольствием попила кофе с пирожными. Но кофе имеет смысл пить с уже знакомым, интересным человеком, с которым точно знаешь, о чём говорить. А у меня таких нет. Все знакомые – разовые: попьём вместе водки, пожалуемся друг другу на жизнь – и разбежимся. Совсем как психоанализ, только дешевле и вреднее.

– Слушай, вот это мысль! – сразу оживился Шурик. – Я тебя просто обязан отвести в «Восточный эспрессо». По сравнению с тем, что умудрялись готовить в «Квартире самурая», он, конечно, проигрывает, но вообще – лучшая кофейня района, а то и двух. Можешь мне поверить, я их все изучил!

– Глядя на тебя, – улыбнулась Амнезина, – я начинаю верить в то, что дружба между мальчиком и девочкой возможна.

– Практика показывает, что в нашем мире возможны абсолютно любые чудеса! – серьёзно кивнул Шурик. – Даже дружба мальчика с девочкой. Ну что, пойдём завтра пирожные лопать, а? Я угощаю.

– А вот фиг тебе! Каждый платит сам за себя, а то какая же это дружба?

– Самая натуральная дружба! Сегодня ты за меня, завтра – я за тебя. А потом наберёмся наглости и пообедаем за счёт заведения.

– Ты гений, Шурпан! – засмеялась Амнезина. – Если бы у нас на работе был хотя бы один такой правильный чел, как ты, там вполне можно было бы существовать.

Шурик нашел в своём бездонном декоративном кармане блокнот и тщательно записал подаренной ручкой все координаты Амнезины, включая ссылку на её блог, адрес турфирмы и номер рабочего факса. Договорившись списаться в ближайшие же часы, чтобы назначить завтрашний поход в «Восточный эспрессо», они расстались. Амнезина твёрдо решила больше ничего не заказывать, а пойти домой и сочинить новую песню по мотивам фильма «Аватар». А Шурик бодро побежал обратно в офис, где его ждала вполне заслуженная награда – щедрая похвала от шефа.

С желанием Амнезины всё было настолько ясно и прозрачно, так идеально вырисовывался простой и единственно верный способ его выполнения, что хотелось немедленно, забыв о поручении шефа, кинуться его исполнять. Но тогда она, не дожидаясь субботы, умчится на

белом лайнере в какую-нибудь экзотическую страну и вряд ли отведёт его за ручку на загадочный «семинар», после которого у носителей активизируются желания.

Шурик чувствовал себя скромным участковым врачом, столкнувшимся с неизвестной науке болезнью. Вот он осмотрел пациента, обследовал его и понял, как следует бороться с этой напастью, но если он вылечит больного прямо сейчас, то так и не узнает, как развивается загадочная хвороба, не опишет её для потомков – и ей не присвоят его имени. Он метался между немедленным причинением счастья данной конкретной славной девушке и ответственным заданием, которое он был обязан выполнить. Любовь к людям вступила в неравный бой с ответственностью и вынуждена была капитулировать. «Я ещё вернусь и сделаю её счастливой!» – заявила она на прощание.

Константин Петрович и Маша Белогорская сидели в кабинете коммерческого директора по обе стороны его идеально прибранного рабочего стола и молча смотрели друг другу в глаза, как два дворовых кота, изготовившихся к битве за территорию. На самом деле ни драться, ни ссориться они не собирались – это было обычное практическое занятие по работе с защитой. В своё время точно так же сидели друг напротив друга Константин Петрович и Виталик. Впрочем, Виталик довольно быстро – ещё до того, как ему наскучила роль «наставника и педагога», – понял, что больше этого вундеркинда ничему учить не надо, скоро он сам кого хочешь научит. У Маши, дошедший до идеи защиты своим умом, дела продвигались не так гладко. Поначалу она резко пошла вверх, но после нескольких ошеломительных прорывов и удач первых месяцев наступил полный ступор.

Если Шурику вечно не хватало внимания и концентрации на то, чтобы удерживать защиту достаточно долго, и он упускал её при первом же удобном случае, то у Маши получалось всё наоборот. Удерживать – да сколько угодно, но вот мгновенно расслабиться настолько, чтобы снять защиту в нужный момент – то есть тогда, когда необходимость в ней отпадает, – ей пока что не удавалось. Нужно было, чтобы учитель скомандовал «вольно», причём максимально дружелюбным и ласковым тоном.

– И – внимание – раз! – крайне облегчённым приказным тоном произнёс Константин Петрович и, продолжая глядеть в глаза своей ученице, ударил пальцем о палец. Девушка послушно повторила его жест, и только. Защита осталась на месте, ничего не изменилось.

– Простите меня, – со слезами на глазах прошептала Маша, – я не верю в этот жест. Ведь это просто формальность, от него ничего не зависит, и я это знаю.

– Всё в порядке. Это действительно формальность. Но даже я не сразу догадался, что установить защиту можно и не постукивая пальцами. Виталик такой концерт устроил, когда я ему это продемонстрировал. Только что на карниз не взобрался – на столе скакал, плясал вприсядку, размахивал руками, кричал: «О, великий шаман, ты пришел в наш мир», – до сих пор помню эту бредятину, ну и прочие глупости. Но тебе для начала обязательно надо как-то обозначать начало и окончание сессии, чтобы довести процесс до автоматизма. Может быть, ты будешь в ладоши хлопать? С меня пример не бери. У меня внутри головы метроном. Он начинает тикать, когда я ставлю защиту, и замолкает, когда снимаю. Ну-ка давай ещё раз, и без моей команды.

Маша закрыла глаза, попыталась подумать о чём-нибудь приятном – например, об утренних маминых оладьях, а ещё о том, как Денис похвалил её за замечательно и своевременно сделанную работу – и хлопнула в ладоши. Опять ничего.

– А может быть, всё дело во мне? – потребил дужку очков Константин Петрович. – Ты мне не доверяешь и не можешь расслабиться. Наверное, я наговорил сегодня всякой ерунды. Ты не подумай ничего плохого...

– Как же я могу подумать плохое, если вы говорили мне только хорошее? Нет, дело только во мне, исключительно во мне. Я же привыкла жить, скукожившись, вот и не отвыкну никак. Давайте немного помолчим. Я сосредоточусь – и отпущу защиту.

– Потрясающе! Впервые вижу человека, которому надо сосредоточиться для того, чтобы отпустить.

– А вы?

– Не понял?

– Вы, наверное, даже во сне о работе думаете, верно? Проще постоянно быть ответственным за всё, что здесь происходит, чем отпускать это состояние хотя бы на время, а потом вновь взваливать на плечи этот груз?

– Да, мне так удобнее. Я вот сейчас с тобой разговариваю, а сам думаю – удалось Лёве договориться о бесплатной презентации или он придёт кланчить деньги?

– Ну, даже если и придёт, что с того? У вас же богатая компания, она легко всё оплатит.

– Тут дело в принципе. Она-то в любом случае оплатит. Но, как показывает наша форс-мажорная жизнь, эти деньги, будучи сэкономленными, непременно пригодятся для того, чтобы заткнуть какую-нибудь неожиданную дыру, о которой непонятно, как отчитываться перед московской бухгалтерией. Там же очень строго проверяются все счета, не смухлюешь. Приходится мухлевать про запас.

Маша изобразила немой восторг перед хитроумием и изобретательностью своего великого учителя – и наконец-то отодрала от себя накрепко прилипшую защиту. Стоило ей проделать этот немислимо сложный трюк, как сотрудники Тринадцатой редакции, на время как бы забывшие о том, что у них существует такой полезный и ценный коллега, как Константин Петрович, немедленно о нём вспомнили и решили навестить в его кабинет.

Первой прибежала Наташа, чтобы доложить – поручение выполнено, в завтрашней разгрузке книг будут принимать участие добровольцы, а значит, никому платить не придётся и даже ни одна бутылка горячительного из запасов сестёр Гусевых не пострадает.

– Отлично! – просиял Константин Петрович и на некоторое время стал похож на обычного человека, а не на атланта, держащего на своих плечах весь этот балаган, в народе именуемый Мёртвого Хозяина Домом. Восхищённая метаморфозой, постигшей коммерческого директора, Наташа решила похвастаться ещё одним своим достижением, старательно ударила пальцем о палец и выпалила:

– А ещё, когда у нас сахар кончился и я побежала в гастроном, чтобы его поскорее купить, там, прямо в очереди, стоял носитель, и я его сразу заметила, и встала в очередь за ним, хотя мне не надо было в винный отдел, но это же для конспирации важно. Я прикрепила к нему датчик, а когда подошла моя очередь, пришлось, тоже для конспирации, купить бутылочку ликёра...

По-пионерски выпалив это, Разведчица облегчённо вздохнула и отпустила защиту. Ей этот фокус удавался по-прежнему с большим трудом, но она старалась, потому что вообще привыкла стараться во всём, чему училась.

– Ликёра? – грозно сдвинул брови Константин Петрович. – Ты не могла портвейна купить? Или бормотухи какой-нибудь?

– Я хотела купить бормотухи, – призналась Наташа, – но там такого напитка не было. А остальные названия я забыла. Так что я тебе потом чек отдам, вместе с чеком за сахар...

– Ну и какого чёрта? Что мы будем делать с этим ликёром? Наверняка дорогим!

– Виталик сказал, что, – тут Наташе снова потребовалась защита, и она её, старательно сопя, установила, – что носитель чистый, свободный... Ну, короче, его можно пускать в разработку. Так что я сказала Денису...

– Можно подумать, нам разрабатывать некого. У меня лично уже двое на шее висят, и когда мне ими заняться, спрашивается? У остальных, как я понимаю, та же ситуация, если

не хуже. Ты, Наташа, может быть, думаешь, что так и надо, а я тебе скажу, так – не надо, у нас никогда ничего подобного не было, это невозможно чисто физически. Не может разом появиться столько людей, способных выдержать силу настоящего желания.

– Может быть, я что-то не так делаю? – задумалась Наташа и тут же упустила защиту.

Маша представила себя на её месте – нет, она никогда бы не задумалась, не расслабилась настолько, чтобы упустить самое важное, потому что самое важное всегда сидело у неё на шее и било по голове маленьким молоточком, не больно, а только чтобы напоминать о себе каждую секунду: мол, не забывай меня, я тут.

– Знаешь, ты об этом лучше с Лёвой посоветуйся. Только не сегодня, а когда у него писатель уже приедет и всё пойдёт по заранее намеченному плану. Впрочем, когда это у Лёвы всё шло по плану? – задумчиво сказал Константин Петрович, как бы давая понять, что пора и честь знать, потому что тут вообще-то занятия идут.

Понятливая Наташа закивала и попятилась было к выходу, но тут в кабинет коммерческого директора с тысячей улыбок, извинений и расшаркиваний проник Шурик.

– Сколько и на что? – мрачно спросил Цианид, с которого моментально слетела вся задумчивость. Его не могла обмануть растерянная Шурикова улыбочка и его ласковый, почти ленинский, прищур.

– Я тут выполняю одно задание шефа, – жалобно сказал тот, – и надо будет кое с кем повстречаться, кое-кого угостить...

– Кое-что и самому сожрать, – свирепо продолжил Константин Петрович. – Нельзя, что ли, в парке встретиться, погулять? Пока ещё воздух бесплатный, и мороз уже не такой, как был в январе, – дыши – не хочу; нет, всех почему-то в кабак на деловые переговоры тянет! Ну есть же у тебя свой кабинет – хочешь переговариваться, так переговаривайся в нём!

– У нас кабинет на двоих с Денисом, – осторожно напомнил Шурик.

– Выстави его за дверь... Найди время... Способ... Ладно, чёрт с тобой. Не забудь только принести все чеки, и не пытайся, как в прошлый раз, морочить мне голову!

– Неужели Александр способен на такое коварство? – не удержалась Маша.

– Ещё как способен! Недавно он приобрёл в магазине двенадцать компакт-дисков с разнообразной музыкой. И притащил мне товарный чек, на котором даже названия групп были указаны! И ещё пытался внушить мне, что «Lady Gaga» и «Tokyo Hotel» – это названия коктейлей, которыми он угощал важную персону!

– А-а-а, он слушает «Tokyo Hotel»! – захихикала Наташа. – Ну всё, теперь я знаю, как тебя дразнить.

– Ну вот что ты... – Шурик с укором взглянул на Константина Петровича и шмыгнул носом. – Я же сказал, что перепутал, и потом нашел и принёс правильные чеки. А ты при всех. Я же просил никому не рассказывать.

– Кхм! – откашлялся не любящий признавать своих ошибок коммерческий директор. – Мы тут вообще-то занимаемся, а вы нам мешаете. А ну, кыш отсюда!

Но «кыш» не получился, потому что следующим в этот временный филиал приёмной влетел искрящийся от переполняющей его гордости Виталик.

– Тебе удалось сэкономить для нашего филиала какую-нибудь крупную сумму? – строго спросил у него Константин Петрович.

– Куда круче! Я только что перемыл всю посуду, которая плесневела и пылилась в моём кабинете! Теперь нам не придётся покупать новую, ага. И вообще, поглядите при случае на этажерку, она красиво заставлена чистыми чашками и тарелками, отмытыми вот этими самыми трудовыми руками!

– Ты не по адресу обратился. – Цианид попытался сохранить на лице серьёзное выражение. – С такими важными донесениями надо идти прямиком к шефу!

– А я уже у него был! – Безумный Техник начал подпрыгивать на месте.

– Да ну? И что же он сказал? – иронически улыбнулся Константин Петрович.

Менее сдержанные Шурик, Маша и Наташа уже вовсю давились смехом и тайком показывали друг другу кулаки – мол, не испорти всё веселье.

– Шеф сказал, – старательно повторил Виталик, – «ты ещё похвастайся тем, что утром просыпаешься и завтракаешь, а вечером ужинаешь и ложишься спать».

– Вот-вот, – кивнул Константин Петрович. Он был полностью согласен с Даниилом Юрьевичем.

– Поэтому хвастаюсь. – Виталик продолжал ликовать и гордиться своим нечеловеческим подвигом, не замечая, что окружающие уже не таясь над ним смеются. – Я помыл всю – подчёркиваю: ваще всю посуду! А утром я ещё просыпаюсь и завтракаю, вечером же, напротив, ужинаю и ложусь спать, и именно в таком порядке, а не как-то иначе.

– Потрясающе, – неодобрительно покачала головой Маша.

Этот персонаж её несколько утомлял своей непредсказуемостью и фамильярностью, но она старалась не подавать виду. Впрочем, «персонаж» отлично расшифровал всю охватившую её гамму чувств и с разбегу кинулся в ноги неподготовленной к таким акробатическим трюкам ученице коммерческого директора. Поскольку пол в кабинете Константина Петровича всегда был тщательно натёрт мастикой, рухнувший на колени Техник по инерции проехал какое-то время, восторженно гомоня, и остановился, только когда увидел прямо перед собой весьма острый каблук Машиной туфельки, угрожающе направленный ему прямо в лоб.

– Богиня, сжальтесь, – не поднимаясь с колен, воскликнул он, – пощадите скромного труженика! Не убивайте меня одним только взглядом своих прекрасных холодных глаз! Позвольте быть пылью возле ваших ног, дабы искупить пока ещё неизвестную мне вину!

– Ты замолкаешь хотя бы, когда спишь? – устало спросил Константин Петрович.

Наташа с Шуриком уже хохотали во весь голос, и даже Маша не удержалась и несколько раз весьма безответственно фыркнула. Виталик, не поднимаясь с колен, изящным жестом вытащил из кармана жилетки мобильный телефон, выбрал из списка нужный номер и ласково замурлыкал в трубку:

– Алё, хорошая моя! Скажи мне, я во сне сегодня разговаривал? Серьёзно? Это мне кошмар, наверное, приснился. Да, мою учительницу алгебры как раз звали Марина. Марина Порфирьевна. «Марина, любимая»? А... так это другой сон! У моей бабушки была любимая кошка, её как раз звали Марина, потому что сначала бабушка думала, что это котик, и назвала его Маринад, а потом... Нет, нет, послушай, дай мне сказать...

Виталик растерянно замолчал, потом поднялся с пола, убрал телефон обратно в карман и отряхнул джинсы.

– Тебя опять отшили? – злорадно ухмыльнулся Цианид.

– Что значит – опять? И никто меня не отшивал. Да, я не замолкаю даже во сне. Теперь мы это знаем точно. И почему у них всегда такие разные имена, хотел бы я знать! Подумаешь, Мариной её случайно назвали, ну не изругали же!

– А ты знакомься только с Маринами, – предложила Наташа.

– Так на них же не написано. Я бы и рад, – совершенно серьёзно ответил Виталик.

– Если хочешь узнать, как знакомиться с Маринами – посоветовал Шурик, – спроси об этом у Марины Гусевой! Она тебе всё расскажет! И покажет!

– Спасибо, – позеленел Виталик. – Знаю я, как она покажет. Для начала пырнёт ножиком – раза два, как минимум. Потом достанет паяльник и...

В этот момент дверь в кабинет коммерческого директора снова распахнулась, и Виталик отпрянул в сторону, представив, что это в самом деле Марина Гусева пришла его убивать и мучить за то, что он так безответственно ведёт себя с девушками. Но нет, это был всего лишь трудяга Лёва Разумный.

– О, вы тут все сидите, а я вас ищу, – хмуро бросил пиарщик. «Вы тут бездельничаете, а я – работаю!» – читалось в его глазах.

– Тебе удалось? – кинулся ему навстречу Цианид.

– Всё мне удалось. И даже больше. Они за свой счёт предоставят фуршет, если я вставлю в пресс-релиз всего один абзац о клубе.

– Блеск! Вот это отличная новость! Лёва, ты понимаешь, какой ты молодец? – страстно пожал ему руку Константин Петрович. – А вы видели, какой молодец? Быстро все учите у него!

– Я молодец, но у нас, похоже, проблемы. – Лёва не позволил сбить себя с мысли. – Шеф уехал переговариваться насчёт визита нашего писателя, я совсем немного не успел, а подпись его просто позарез нужна!

– Так подделай, я разрешаю, – пожал плечами Цианид. – Тебе образец дать?

– Ага, дай. И покажи, как это делается, у меня у самого руки трясутся – я там такое нарисую!

– У меня плохой почерк – я не смогу, – покачал головой Цианид и выразительно посмотрел на Шурика.

– Что, я? – испугался тот. – У меня почерк ещё хуже! Я только всё испорчу.

– А у меня вообще нет почерка! – поспешно вставил Виталик.

Наташа ничего не сказала, но на всякий случай отступила в тень. Наблюдавшая за этим великовозрастным детским садом Маша забрала у Константина Петровича образец, изъела у трясущегося от трудового энтузиазма Лёвы необходимые документы и аккуратно скопировала подпись так, что сам Даниил Юрьевич не сделал бы лучше.

Когда вся банда удалилась – Наташа вспомнила, что ей неплохо было бы хоть изредка появиться в институте, остальные разбежались по делам, – Маша тоже собралась уходить, потому что урок вроде бы закончен, а значит, хватит отвлекать очень занятого Константина Петровича от важных дел, но тот остановил её:

– погоди. Если ты сейчас уйдёшь, сюда снова кто-нибудь ворвётся. А так у нас вроде как занятие, может быть, постесняются. Попробуй ещё раз установить защиту. А завтра будем опять учиться расслабляться, напомни мне, если я забуду.

– Забудете вы, как же! – скептически отвечала Маша. – Вот Виталик во сне разговаривает, а вы, наверное, во сне составляете развёрнутый план действий на день?

– Клевета! План на день у меня всегда готов за неделю!

– Ну почему вы все здесь такие? На вас – колоссальная ответственность за людские желания, а вам как будто мало. Ведь можно, наверное, не так сильно напрягаться хотя бы на работе?

– Можно, наверное. Но трудно. Если уж кто настроен работать хорошо, то он больше усилий потратит на то, чтобы схалтурить. Да и потом, никто на самом деле не знает, какие дела в его жизни являются действительно важными. Почти все величайшие открытия были сделаны случайно или непреднамеренно, поэтому уж лучше стараться во всём. Кстати, я забыл тебе сказать – для того, чтобы вовремя снять защиту, надо постараться не меньше, чем для того, чтобы её удержать. Когда вцепляешься во что-нибудь слишком крепко – потом нужно приложить определённые усилия для того, чтобы разжать пальцы.

– Правда? А я-то думала, что надо просто расслабиться.

– Это правило распространяется только на тех, кому расслабиться действительно просто. Они и защиту толком удержать не в состоянии.

Маша, полагавшая до сих пор, что ей всего-то и надо – как следует отвлечься, чтобы защита улетела сама, как шляпа, которую сорвал с головы сильный ветер, только теперь поняла, что если шляпу предусмотрительно примотать к голове бечевкой, то она никуда не денется – пока бечевка будет оставаться на месте.

– Так значит, надо не ждать сильного порыва ветра, а взять и самой развязать узел! – Последние слова девушка произнесла, уже распрощавшись со «шляпой». Стоило ей снять с кабинета коммерческого директора эту метафизическую табличку «Не входить – убьёт», как в дверь тут же постучали, а затем, не дожидаясь приглашения, вошли сестры Гусевы, вооружённые, против обыкновения, не бензопилами и финскими ножами, а калькулятором и огромной конторской книгой.

– Тут это, – мотнула головой Галина, стараясь не слишком посвящать нештатную сотрудницу в дела, которые её не касаются, – нашлись книжки, которые потерялись. Ну помнишь, ты их – того? А они вроде как – этого?

– Как не помнить! Я их ещё так виртуозно «того» – сам горжусь, – выпятил грудь Константин Петрович.

– Вот и мы думаем – может, это... ну, как в тот раз? – Марина выразительно скосила глаза на Машу, как бы давая понять, что этот вопрос лучше обсуждать без свидетелей.

Константин Петрович, наслаждавшийся в этот момент воспоминанием о своём триумфе, ничего не заметил, зато чувствительная барышня сразу поняла, что она тут лишняя, и, вежливо попрощавшись со своим наставником и опасными бабушками, покинула кабинет.

Она шла по коридору, собираясь заплакать от огорчения. Просто по привычке, ведь её снова выставили за дверь, потому что она... «Эй, подруга! – легонечко щёлкнул Марию по лбу то ли внутренний голос, то ли ангел-хранитель, то ли какой-нибудь маленький летучий волшебник. – Ты меня, конечно, извини за откровенность, но какая-то у тебя выходит обида – притянутая за уши! И вообще, чего ты так боишься быть выставленной за дверь? Тебя же за дверь раньше никогда не выставляли, ты и не знаешь, как это может быть здорово: сидишь в тесной каморке, и думаешь, что эта каморка и есть мир. А потом тебя выставляют за дверь, и тут-то мир перед тобой и открывается, во всём своём великолепии!»

Маша на цыпочках прошла мимо кабинета Лёвы – телефон был включен на громкую связь, дверь открыта, так что все могли наблюдать за рабочим процессом.

– Нужен информационный повод, просто так я об этом писать не буду, – вредным голосом произнёс невидимый собеседник.

– Если я дам тебе в лоб – это будет достаточный повод? – яростно завопил Лёва.

Маша улыбнулась и пошла дальше: всё в порядке, это просто бизнес, ничего личного. Пока она надевала пальто, из-за кофейного автомата почти бесшумно выбрался Гумир с чашкой капучино, выразительно приложил палец к губам, прихватил с Наташиной конторки недоёденную шоколадку и скрылся за дверью, ведущей на лестницу.

На улице начинался дежурный февральский снегопад, сырой и неудобный, втайне мечтающий быть майским ливнем. «Вот уж действительно февраль, достать чернил – и плакать», – автоматически подумала Маша и снова попыталась опечалиться, но вспомнила, как среагировал на эту фразу совершенно чуждый поэзии Константин Петрович: «Никаких плакать! Достала чернила – садись работай!», – и снова улыбнулась.

День второй

Когда руководство компании «Мегабук» подписывало долгосрочный договор аренды на Мёртвого Хозяина Дом, владельцы честно предупредили, что этот симпатичный обшарпанный особнячок если подо что и сойдётся – так разве под склад, и то не всякий, а такой только, который придётся по вкусу местному привидению. «Да-да-да», – с понимающим видом покивали москвичи, приятно обрадованные смехотворной платой, за которую им досталось просторное и, в целом, удобное помещение. «Ни черта в коммерции не смыслят эти питерцы, – рассказывали они потом своим московским друзьям, – надо было наценку за приведение сделать, а они, видишь ты, скидку дали!»

Поскольку особнячок Тринадцатой редакции располагается аккуратно в центре жилого двора, то каждый визит грузовой машины с книгами превращается в целое приключение: её надо довольно оперативно разгрузить и отправить обратно, пока особо нервные жильцы не начали вызывать милицию. Милиции, конечно, нечего предъявить Даниилу Юрьевичу и его команде, тем более что почти все местные милиционеры выросли на страшилках про Мёртвого Хозяина Дом и связываться с его обитателями не собираются, но мунги стараются без необходимости не возмущать эмоциональный фон вокруг себя, потому что работа у них и без того нервная.

Разгрузка книг в Тринадцатой редакции – это всегда немного праздник и немного карнавал, и участвуют в ней самые разные люди: от сотрудников до соседей по двору, от практикантов до случайно танцевавших рядом кришнаитов. В план бюджета на год Константин Петрович исправно вносит такую статью расходов, как «работа грузчиков». Однако профессиональных грузчиков приглашают потрудиться лишь в редких случаях. В этих самых случаях Цианид, бранясь, как одесская хозяйка на Привозе, торгуется с ними во дворе, пытаясь отделаться словами благодарности и совсем-совсем незначительными суммами. К счастью, профессиональные грузчики – парни серьёзные, спокойные, и, поглядев минуты две на этот шоу-балет, они медленно и плавно засучивают рукава – после чего моментально получают оговорённую заранее сумму.

На этот раз к разгрузке книг решено было приставить Наташиных поклонников. Всё равно у неё их много – чуть ли не половина института, – и все эти парни вечно поджидают её вечером после лекций и предлагают понести сумку с книгами. «Если уж вам так не терпится книги потаскать, – заявила она сгоряча, – то приходите как-нибудь к нам на разгрузку! Всем найдётся дело!» Разумеется, когда до парней дошло, что Наташа и не думает шутить, от целой армии поклонников осталась только небольшая группа самых преданных и верных фанатов, но и этого вполне хватило.

Наташа стояла неподалёку от чёрного хода и зорко приглядывала за тем, чтобы её войско работало, а не паялилось на своего главнокомандующего.

– Ну вот, теперь-то вы больше не будете предлагать мне свою помощь! – насмешливо заявила она, когда дело подошло к концу и всё содержимое грузовика, предварительно описанное и пересчитанное сестрами Гусевыми, переместилось на склад.

– Да ты что! Зови нас всегда! – невпопад завопили парни так громко, что самые впечатлительные жильцы из соседних домов в едином порыве распахнули форточки и дружно метнули в нарушителей тишины тяжелые и малопригодные в хозяйстве предметы (ни один не достиг цели). Впрочем, это только жильцам они сгоряча показались малопригодными.

– Потом всё это надо будет собрать, описать и отнести в кладовку! – распорядился Константин Петрович, указывая Наташиным поклонникам на выпавшие из окон вещи, и побежал дальше. Всякий раз перед началом разгрузки он переодевается в рабочий комбинезон, припасённый специально для подобных целей, но физического труда как-то умудряется избегать:

носятся туда-сюда от кабины водителя до самого отдалённого складского закоулка и раздаёт ценные указания, а чаще просто мешается под ногами у тех, кто действительно работает.

– Вот – отличные работники, все бы так, – заявил он, в очередной раз пробегая мимо Наташиной армии. – Поработали хорошо, уважаю.

– Сами знаем, – неприятно отозвались те. Этот потенциальный конкурент мозолил им глаза с самого утра, и парни даже решили подкараулить его после того, как всё закончится, и отлупить, чтоб неповадно было.

– Не обращайтесь внимания, Константин Петрович вечно хочет, чтобы всё получилось очень хорошо, и поэтому ведёт себя очень плохо, – пояснила Наташа. – Это у него вроде шаманских плясок с бубном, понимаете?

– Понимаем, – сразу успокоились поклонники. Вряд ли шаман с бубном может составить им конкуренцию, даже если вместо бубна у него – прозрачная пластиковая папка с документами.

Когда машина опустела и сестры Гусевы подписали все накладные, а Константин Петрович перепроверил их и тоже подписал, хотя его подпись совсем не требовалась, все участники регаты, сроднившиеся за полчаса совместного труда на свежем воздухе, пожали друг другу руки и даже обнялись на прощание, так что особо впечатлительные жильцы из окрестных домов умилились и решили, что звонить в милицию они сегодня не станут.

– Никогда не видел такого, а уж сколько лет работаю, – всхлипнул даже водитель.

Его автомобиль сентиментально бибикнул на прощание. Вороны снялись с мест и, растроганно каркая, стали выписывать над крышами мёртвые петли. После чего из некоторых форточек вновь вылетели ненужные в хозяйстве предметы.

– Вы посмотрите, что делается! Ценный же антиквариат выбрасывается! Так, мне нужно три человека, чтобы всё это собрать! Три человека! – высунулся из недр складского помещения Константин Петрович.

Его коллеги, молча переглянувшись, припустили к парадному входу, чтобы избежать позора. Если Цианиду так приспичило стать счастливым владельцем старой кастрюли, треснувших конторских счётов и какой-то расписной жестяной банки, то пусть сам всё это и подбирает.

– Хорошо бы, чтобы такая разгрузка была каждый день! – произнёс Денис, пока они с Виталиком и Шуриком поднимались по лестнице на второй этаж. – Вам совершенно необходимы физические упражнения!

– Да-да, – с притворным энтузиазмом заявил Виталик, – совершенно необходимы! Жаль только, что, пока мы там разгружаемся, здесь работа сама за нас не делается. А мне Петрович с утра дел накидал так, что будь здоров.

– Закаляйся, если хочешь быть здоров! – невпопад брякнул Шурик, как всегда задумавшийся о чём-то своём.

К слову сказать, закаляться мунгам совершенно не обязательно, потому что они не простужаются. Есть у них такое замечательное преимущество перед прочими людьми. Легенда гласит, что когда-то, очень-очень давно, некому мунгу то ли третьей, то ли даже четвёртой ступени захотелось поглядеть, как там работают на Земле младшие сотрудники. Прикинулся он обычным человеком и с удивлением обнаружил, что работать-то ребята работают, изо всех сил, можно сказать, стараются, только вот силы их на исходе по причине простудных заболеваний, подкосивших весь коллектив. Старший товарищ, давно уже позабывший о таких мелочах жизни, как насморк, кашель и температура, как, впрочем, и о самой жизни, сначала разгневался, а потом потребовал от мунгов второй ступени, чтобы они придумали способ избавить младшеньких от этой напасти. Слишком уж на них большая ответственность лежит, некогда им болеть. Впрочем, Денис считает, что закаляться всё равно следует – для того, чтобы быть выносливее, например.

– Я следил за тобой, – попенял он Виталику. – Ты запыхался через пятнадцать минут! Что же с тобой будет лет через двадцать?

«Надеюсь, что через двадцать лет я буду миллионером и отцом семейства, и книги будут разгружать мои малые детушки, желая таким образом выслужиться перед папенькой и получить побольше наследства», – подумал Виталик, но вслух ничего не сказал. Чтоб не сглазили. Или чтоб не засмеяли.

Не услышав возражений, Денис гордо прошествовал через приёмную и исчез в коридоре, чтобы вернуться к рабочим делам. Шурик с Виталиком переглянулись и дружно шагнули в сторону кофейного автомата.

– А вот кому конфет? – весело спросила Наташа, заходя в приёмную. – Представляете, ребятам так понравилось книги разгружать, что они вот целую коробку мне притащили. Даже неудобно как-то.

– Только Цианиду об этом не говори, – не отрываясь от панели кофейного управления, предупредил её Виталик, – а то он решит, что разгрузка книг – это такой офигенно увлекательный аттракцион, и начнёт продавать на него билеты. А ответственной назначит тебя.

Нацедив себе самую большую чашку кофе, Техник скинул обувь и развалился на диване, всем своим видом показывая, что он уже практически в раю. Шурик тяжело вздохнул и поглядел на коробку, которую Наташа поставила на край своей конторки. Было в этом что-то неправильное: поклонники подарили конфеты его бывшей девушке, а он собирается их бесцеремонно слопать.

– Кушай-кушай, – ободряюще улыбнулась Наташа. – А тебе что, правда нравится «Токуо Hotel»?!

– Угу, – ответил Шурик, набивая рот конфетами.

– Но это же позор! – возмутилась Наташа.

– Пошему?

– Потому что такой музон нравится только малолетним придуркам.

– Но я же не малолетний придурок, – пожал плечами Шурик и на всякий случай засунул в карман ещё пару конфет.

– Вот и тем более странно, – со значением произнесла Наташа.

– Странно – да. Будто я мало странных вещей делаю. Но не позор же.

– О, смотрите-ка, дезертир трудового фронта к нам пожаловал! – громко объявил Виталик.

Из коридора в приёмную мрачно глядел Лёва, заросший щетиной, хмурый и весь какой-то помятый, будто всю ночь он провёл на своём рабочем месте.

– Ты сейчас что-то сказал? – рыкнул он так, что Виталик тут же вернулся из райских кущ на грешную нашу землю и моментально вжался в самый дальний угол дивана.

– Я говорю, – лстыиво улыбнулся Техник, быстро натягивая кеды, – что вон сколько парней пришлось нагнать, чтобы заменить одного тебя. Это хорошо ещё, что у Наташки поклонники такие сговорчивые.

– Не понимаю, как можно всё бросить и по первому свистку явиться разгружать книги на морозе, совершенно задаром, – поскрёб подбородок Лёва. – Гордости у них, что ли, нет? Или вот когда ты на презентации девиц своих подтягиваешь – я не понимаю, зачем им-то это надо?

– Во-первых, не девиц, а девушек, – поправил его Виталик, – во-вторых, не только своих, но и вместе с подругами, сестрами и так далее. Девочки же никуда поодионочке не ходят. А в-главных, есть всё же некоторая разница. Этим милым девушкам достаются от меня не только слова благодарности.

– Но и слова неблагодарности! – мрачно подытожил Лёва.

– Ты совершенно не умеешь общаться с женским полом, – покачал головой Виталик. – Я тебя как-нибудь научу. Потом. Когда настанет твоя очередь. Но ты уже можешь записаться на приём. Твой номер третий – за Константином Петровичем будешь!

– Я вот сейчас кому-то внеочередной урок борьбы без правил устрою! – взревел Лёва и, засучивая рукава, пружинящим шагом двинулся в сторону дивана.

– Ой, совсем забыл, – хлопнул себя по лбу Виталик. – Меня же Гумир просил к нему зайти, там у него срочное что-то. Ну, берегите себя.

И сбегал от возмездия. Впрочем, сбегаю, он чуть не сбил с ног Константина Петровича, бережно прижимающего к груди какую-то непонятную штуковину.

– Вы посмотрите только, какую вещь выбросили! – воскликнул тот, легко увернувшись от Техника. – А, это ж надо! Пепельница! Старинная, хрустальная! Антиквариат! Винтаж! Хорошо хоть она в сугроб упала, не разбилась. Ну чего ротозейничаете? Вон видите, Виталик побежал, он всегда делом занят, а вы трое что?

– Мы что? – рассвирепел Лёва, проверил, ладно ли засучены его рукава, сжал покрепче кулаки и сделал один только широкий и уверенный шаг вперёд.

Константин Петрович малодушно прикрылся хрустальной пепельницей в надежде если не откупиться от противника, то хотя бы стукнуть его этим винтажным антиквариатом как можно больнее и подлее.

– Отставить драку, – спокойно произнёс Даниил Юрьевич, материализуясь между противниками как раз в тот момент, когда, казалось, ничто уже не могло спасти коммерческого директора от расправы. – Неужели я пропустил что-то интересное?

– Он говорит, что я бездельничаю, – наябедничал Лёва и указал пальцем на Константина Петровича.

– Пальцами показывать – нехорошо, – покачал головой шеф. – Ты мне лучше скажи, где у нас Йозеф Бржижковский?

– Йозеф... Бржижковский? – Лёва с ужасом понял, что пару минут назад вышел в приёмную вовсе не для того, чтобы славно подраться, а затем только, чтобы накинуть куртку и бежать на вокзал, искать своего писателя, вздумавшего самостоятельно, без провожатых, добраться до Тринадцатой редакции. Добираться тут, понятное дело, недолго, самое большое минут за двадцать пешком можно дойти, но вдруг он заблудился во дворах и переходах? А у него через час – прямой эфир!

– Кстати, а где этот симпатичный дедуля, который помогал разгружать книги? – поинтересовался Константин Петрович, поглаживая дважды спасённую пепельницу.

– Какой ещё дедуля? – отмахнулась Наташа. – Нет у нас в институте дедуль, даже сторож – и тот бабуля!

– Нет, там ещё был дедуля! – упрямо гнул своё Цианид. – Подошел, спрашивает – это у вас тут издательство, мне сказали утром подойти. Ну я его и погнал на разгрузку.

– Дедуля – такой невысокий мужичок с испитым лицом, с эспаньолкой и седыми кудрями до плеч? – вкрадчивым тоном уточнил шеф.

– Он самый, – кивнул Константин Петрович. – Нормальный такой, интеллигентный дед. Даже с некоторой претензией на божественность.

– Где он сейчас? – завопил Лёва. – Куда ты его дел, гадина?

– Никуда не девал. Велел собрать то, что жильцы из окон повыкидывали, и сложить в кладовку.

– Я тебя самого сейчас в кладовку сложу! Только сперва на куски порву! – снова кинулся в драку Лёва, и теперь даже Даниил Юрьевич не смог бы спасти своего бестолкового заместителя, если бы в этот момент в приёмной не возник вышеупомянутый «дедуля».

– А вот и я! – важно заявил он. – Ваше поручение выполнил – что мог, пригрёб и отнёс в чуланчик. Дальше у нас что по плану?

– Здра... здравствуйте! – поперхнулся приветствием Лёва и сделал неуверенный шаг навстречу писателю. – Вас что же, заставили книги разгружать?

– Ну кто ж меня заставит, сам подумай, – усмехнулся дедок. – Прихожу – а тут все работают. Мне, что ли, помочь трудно?

– Костя, ты обратил внимание на то, что отправил нашего дорогого гостя разгружать книги? – уточнил Даниил Юрьевич. То, что шеф обратился к своему заместителю по имени, не предвещало ничего хорошего, но были ещё шансы спастись.

– А... мм... Так вы и есть господин Бржижковский? – Цианид решил прикинуться на редкость простодушным, но милым парнем. – А я думал, иностранец приедет. Который по-нашему не понимает.

– Я по-нашему понимаю такое, чего ты пока что даже представить себе не можешь. Но ты мне всё равно нравишься. Приятно, когда в лицо не узнают, почти так же приятно, как лет двадцать назад, когда узнавали. Но ещё приятнее, когда узнают, а продолжают вести себя по-человечески. Мне вообще у вас уже нравится. Знаете, когда я приехал в ваше московское представительство, там вокруг меня начали бегать целые толпы бестолковых каких-то девочек и мальчиков. Буквально на части рвали. Одна говорит – пойдёте, я вас чаем угощу. А я вообще-то чай не очень, но из вежливости согласился, к тому же у меня бутылёк заветный всегда в кармане. С чаем то есть пойдёт. Едем мы, стало быть, на скоростном лифте, через три этажа на четвёртый – чай пить. Девочка бедная не знает, как меня развлечь, того гляди заплачет. Я её выручать не собираюсь – сама придумала чай пить, сама и расхлёбывай. По дороге нас, впрочем, перехватывают – нет, говорят, вам срочно надо ехать на телевидение. А как же, говорю, чай? А чай – потом. Когда вам пять отборных жёлтых журналистов перекрёстный допрос устроят. Ну положим, это я им устроил, надолго они запомнили, но мне быстро наскучила эта Москва. Главное, никто не знает точно, что же именно от меня надо. А тут – пришел, получил задание, покидал книжки на свежем воздухе.

– Он вас ещё и на улицу отправил? – схватился за голову Шурик.

– Я сам себя на улицу отправил, – отрезал писатель. – Там какие-то парни бестолковые топтались – кто ж так машину разгружает? Я-то, например, грузчиком работал, знаю, как надо.

– Ну если что не так, извините, – подмигнул автору Константин Петрович. – У меня уж такое правило. Если все работают – то работают все.

– Вот и у меня тоже, – подмигнул автор в ответ. – Если уж я наливаю, то все пьют. Для начала – за знакомство. У меня с собой пара бутылочек припасена, а до эфира ещё как раз время остаётся, правильно я понял?

– Но... – встревоженно взглянул на часы Лёва.

– Успеем, – спокойно кивнул ему шеф, поворачиваясь к писателю. – Давайте только переберёмся в мой кабинет, а все желающие – с нами.

– Вот я запомню, кто с нами сейчас пойдёт, и стану их любить и называть по имени-отчеству, а остальных буду игнорировать! – капризно заявил Йозеф Бржижковский, скрываясь в кабинете Даниила Юрьевича. – К барышне это не относится. Её я уже люблю.

– А ты что же не пошел со всеми? – спросила Наташа у Константина Петровича, когда «желающие» дружной толпой покинули приёмную. – Он же теперь тебя будет игнорировать.

– Тем лучше для меня. Судя по первому впечатлению, дядя не из приятных. Вот пусть Лёва и отдувается. Виталика только жалко. Старикан же и его теперь из вредности замечать не будет.

– А может, Виталику, наоборот, – повезло. Так и не узнает, каков его кумир на самом деле.

– Добрые мы с тобой какие-то, это неправильно. От нашей доброты финансовое благосостояние компании не улучшится, – покачал головой Константин Петрович. – Ну ладно, ты тут работай, улучшай благосостояние, а мне надо сходить ненадолго в кладовку. Посмотрю, что

нам на этот раз принесло прибоем. Может, удастся чего в антикварный магазин пристроить, сейчас люди вообще стали падки на всякую старую дрянь. А нет – так подарю кому-нибудь. А пепельницу я так и так Даниилу Юрьевичу отдам.

– Действительно, очень разумно, – серьёзно кивнула Наташа. – Он же как раз не курит. Так что можно будет при случае ещё кому-то передарить.

– А я о чём! – обрадовался Цианид. – Со временем из тебя выйдет толк!

Последнюю фразу коммерческий директор произнёс, уже выбегая на лестницу, – его ждали сокровища!

С самого детства Костя любил разбирать случайные находки и придумывать им применение. Началось это давным-давно, когда родители впервые вывезли его летом на юг. Так получилось, что берег неподалёку от дачи, на которой семейство Рублёвых снимало комнату, каким-то особенным образом то ли вдавался в море, то ли, наоборот, выдавался из него, так что шторм именно туда предпочитал выбрасывать добрую половину потерянных отдыхающими вьетнамок, купальных шапочек, ласт и очков для подводного плавания. После каждого шторма маленький Костя вприпрыжку бежал на берег, чтобы первым собрать, рассортировать и каталогизировать дары моря. И даже сейчас, став взрослым, солидным и обеспеченным человеком, он не может отказать себе в детском удовольствии перебрать находки сразу же после того, как их прибило к его берегу. Сомнительная честь выпить по рюмашке с известным писателем (пусть даже за его счет) не идёт ни в какое сравнение с этим детским счастьем.

Ещё в конце осени, спасаясь от приближающегося зимнего авитаминоза, Анна-Лиза велела выкрасить свой джип в ярко-алый цвет, а затем украсить его ослепительно-белыми черепами со скрещенными косточками. Ей казалось, что так автомобиль выглядит гораздо живее и радует глаз другим людям. А что может быть лучше, чем радостные люди? Радостный носитель всегда подпишет договор с большим энтузиазмом, чем грустный, потому что радость делает людей доверчивыми и простодушными. Во всяком случае, так думает Анна-Лиза.

Джордж называл столь дивно преобразившийся джип не иначе как «адова божья коровка» и старался проходить мимо этого весёленького, в черепушках, автомобильчика, отвернувшись или зажмурив глаза, не подозревая, что своей популярностью среди местных школьников он обязан именно этой машине!

Заметив сие чудо современного промдизайна, умненькие девочки сложили два и два – и решили, что загадочный красавец бармен из ближайшей кофейни – никакой не бармен, а самый обыкновенный бог смерти. По ночам он разъезжает на этом расписном катафалке по городу, режет людей катаной и отбирает у них души, чтобы утащить их прямо в ад. А в кофейне он работает для конспирации. О том, что души у людей отбирают яркая, шумная и живая Анна-Лиза или неприметный Дмитрий Олегович, они, конечно, не подозревали.

«Адова божья коровка» въехал в Санкт-Петербург ровно в 12.00, как раз в тот момент, когда на Петропавловской крепости выстрелила традиционная полуденная пушка. Вот только экипаж чудо-автомобиля этого выстрела конечно же не услышал. Во-первых, стреляли в центре; во-вторых, в салоне играло радио; в-третьих, Анна-Лиза вновь прервала молчание, воцарившееся с последнего привала.

– Егорушка, сынок, передай-ка маме прикуривалку! – проворковала она. Нет, ну правда же, очень смешная шутка! Она повторила её уже раз тридцать, и каждый раз смеялась.

Дмитрий Олегович, велевший положить его на заднее сиденье и не кантовать до приезда в город, недовольно заворочался, но промолчал. Всю дорогу эти двое мешали ему грамотно страдать от похмелья. Тяжелейшее похмелье с господином Маркиным приключилось впервые в жизни, и он хотел пережить этот опыт на все сто процентов, чтобы хоть немного понять людей, охотно испытывающих это сомнительное удовольствие чуть ли не каждое утро.

– Следи за дорогой, мы в населённый пункт въехали! – сквозь зубы процедил Джордж и уставился в окно. Он впервые возвращался в родной город из пусть непродолжительной, но эмиграции, и тоже хотел пережить этот опыт на все сто процентов. Но Анне-Лизе плевать было на духовные поиски компаньонов, тем более что прямо по курсу маячила внушительных размеров пробка, и надо было как-то развлечь себя, чтобы не разозлиться и не поехать по тротуарам, давя пешеходов и сбивая автобусные и троллейбусные остановки. Будет ещё повод покуролесить, а пока что Димсу велел вести себя прилично. Для разнообразия.

После вчерашней выдающейся попойки шемоборы, приговорившие на голодный желудок бутылочку виски, прикончили Джорджевы запасы пива и решили, что ехать в славный город Питер, где развелось много непуганых носителей, надо не просто «срочно», а прямо-таки «сейчас».

– Я хочу с вами, но у меня работа! – вмешался Джордж.

– Ты благородно жертвуешь себя в нашу пользу, – похлопала его мимо плеча Анна-Лиза. – Собирайся, мы тебя уволим и поедем.

– Вы не имеете права меня увольнять! Я должен пойти к хозяину, написать заявление на отпуск, через неделю его рассмотрят, ещё через неделю...

– Не будь рабом, будь мужчиной! – возмутилась Анна-Лиза. – Они не имеют права лишать тебя свободного передвижения!

– Да пусть остаётся, проблем-то, – пробормотал из своего угла Дмитрий Олегович. – Нам без него только спокойнее будет. А то, представляешь, придётся ещё отчитываться перед его родителями за то, что мы увезли ребёнка неизвестно куда. Как бы нас в киднепинге не обвинили.

– Обожаю киднепинг! – с чувством воскликнула Анна-Лиза. – Давай его снова похитим!

– Я уже что, не имею права голоса? – возмутился Джордж.

– Имеешь, имеешь, – успокоила его Анна-Лиза. – Ну, говори свободно: «Я еду с вами!»

– Я еду с вами, но надо же хотя бы... ну, не знаю... уволиться, чтобы не подводить этих милых людей.

– Я зря поверила, что ты мой романтический герой, – с сожалением произнесла Анна-Лиза. – Неужели тебе не хочется напоследок немного развлечься?

– Кстати, почему бы и не развлечься? – снова подал голос Дмитрий Олегович. – Мы – родители этого чуда природы и имеем право забрать нашего ребёнка с работы, поскольку он не успевает в учебе.

– Так, этому не наливать! – распорядился Джордж, но тщетны были его слова. Во-первых, наливать было уже нечего; во-вторых, шемоборы его даже не услышали – у них созрел план! Дмитрий Олегович, глядя несколько в сторону и вбок, неторопливо и обстоятельно объяснял Анне-Лизе суть интриги.

– И вот этот сын-негодник сбежал в Финляндию, к матери, наврал ей с три короба, только чтобы не учиться. Пил, курил, гулял, торговал наркотиками. Соблазнил школьниц всего района. Но вот из России приехал строгий отец и сейчас же заберёт паршивца с собою.

– Мать полна солидарности с решением отца, – с чувством воскликнула Анна-Лиза, – мальчик должен получить родное образование! Мать даже поедет за вами сама в глубокие рудники Сибири, чтобы проследить за этим недоростком!

– Какой я вам мальчик, вы что, рехнулись оба? – затрепыхался Джордж, но шемоборов уже ничто не могло остановить. «Сынулю» запихали в такси, выведав у бедняги (с применением самых бесчестных шемоборских приёмчиков), где в это время можно застать его супервайзера, и с песнями промчались по Хельсинки, побуждая редких прохожих плюнуть на завтрашние скучные планы и поскорее бежать в ближайший бар, пока тот ещё не закрылся. Излишне будет говорить, что Джорджа немедленно уволили, выплатили ему остатки жалованья и даже внесли беднягу в чёрный список, чтобы больше никто не взял на работу этого сим-

патичного, исполнительного, но склонного к безудержному пьянству типа. Безудержный пьяница безмолвно наблюдал за тем, как рушится его блестящая карьера, потому что поделать уже ничего не мог и хотел сохранить хотя бы некое подобие лица. Анна-Лиза и Дмитрий Олегович, безобразно кривляясь, поблагодарили супервайзера за помощь, подхватили Джорджа под руки и умчались прочь – продолжать веселье.

Ранним утром Анна-Лиза, успевшая выспаться, плотно позавтракать и принять контрастный душ, жестоко разбудила своих соседей и напомнила им, что вчера они, в довершение безобразия, позвонили в агентство, предоставившее им квартиру, и сообщили, что съезжают сегодня утром. Она не стала уточнять, кто сделал столь смелое заявление, хотя Дмитрию Олеговичу стало почему-то неуютно: даже его трезвый словарный запас не позволял сделать такое заявление вежливо или хотя бы просто грамотно.

Таким образом, этот маленький дружный дурдом, ещё вчера утром и не помышлявший о том, чтобы покинуть Финляндию, мчался навстречу новым приключениям, потому что все мосты, которые по первоначальному замыслу следовало всего лишь временно развести, были безжалостно сожжены.

По пути из Хельсинки в Санкт-Петербург Джордж молчал, Дмитрий Олегович дремал, и лишь Анна-Лиза была бодра и полна оптимизма. Ей очень хотелось, чтобы милый Йоран улыбнулся её шутке, ну или хоть как-то на неё среагировал. Наконец, цель была достигнута: Джордж сорвался и ответил что-то грубое. Ну вот и славно – значит, он не так уж и сердится.

– Хами матери сколько угодно, но прикуривалку-то дай! – продолжала развлекаться Анна-Лиза.

– Может, хватит уже? – резко спросил Джордж. – Во всякой шутке должно быть чувство меры.

– Чувство – меры? – задумчиво повторила Анна-Лиза. – Кто только придумал использовать чувство вместо измерительного прибора?

– Сынуля! – жалобно простонал Дмитрий Олегович. – Там влажных салфеток в бардачке не осталось?

– Да пошли вы к чёрту оба! – рассердился Джордж. – Ещё одна шутка на эту тему, и я выхожу.

– Если мы прямо сейчас оба пойдём к чёрту, – задумчиво произнесла Анна-Лиза, – то ты пойдёшь вместе с нами, потому что это будет означать, что мы попали в автомобильную катастрофу и все умерли.

– Он выживет, его сошьют по кусочкам, – раздался слабый голос с заднего сиденья. – Кусочек от тебя пришьют, кусочек от меня. И будет он жить, чувствуя свою вину перед погибшими товарищами, слыша, как мы зовём его по ночам тихими призрачными голосами.

– Мы тоже будем жить, – постановила Анна-Лиза. – Кстати, ты говорил, что здесь мы будем жить безвозмездно. Я хочу знать – где?

– Как где. Как обычно, у Джо... Что??? – Дмитрий Олегович моментально перестал притворяться нездоровым, вскочил с места, ударился макушкой о потолок и снова со стоном повалился на заднее сиденье.

– Если вы думаете, что мы поселимся у Соколовых, то извините, господа, ошибка вышла, – мстительно сказал Джордж. – Вряд ли папа примет нас с распростёртыми объятиями. И вообще я не хочу, чтобы он знал о моём возвращении.

– Боишься, что тебя в угол поставят? – тут же уцепился за любимую тему Дмитрий Олегович. – Погулял, сынок, и хватит – пора за дело приниматься? И ты, конечно, побежишь на задних лапках туда, куда укажет папенька!

– Очень может быть, – спокойно кивнул Джордж. – Сам понимаешь, это не в моих интересах. Надо поднакопить силы.

– К слову о накоплениях, – вкрадчиво промурлыкал его добрый друг, – как ты понимаешь, нас с коллегой ждёт в Петербурге неплохая прибыль. Но пока что мы почти на мели. У тебя, дружище, я помню, есть целых две волшебные карточки с нетрудовыми накоплениями. Было бы здорово, если бы ты внёс всю сумму за аренду нашего будущего жилья, а мы бы потом постепенно вернули тебе нашу долю.

– Его ещё найти надо, жильё это, – покачал головой Джордж.

– Верхние этажи отменить, туалет в ванне не предлагать, хрущёвский район отказать! – капризно сказала Анна-Лиза.

– Каждому отдельная комната, и кухня побольше. В центре, но не у всех на виду. Предпочтителен дом дореволюционной постройки. И чтобы там был уже проведён Интернет, и телефон-автомат поблизости, – добавил Дмитрий Олегович.

– Чувство меры, друзья, это такое полезное чувство... – деликатно начал Джордж, но понял, что вежливостью этих двоих не проймёшь. – Ну допустим, мне удастся найти и снять нам такое жильё. Но первый, кто назовёт меня «сынуля» или «сыночек», вылетит за порог без разговоров.

– Сынуля, обещаю, если, сын мой, ты найдёшь для папы и мамы подходящий флэт, то, сыночка, мы, как твои любящие родители, обретём чувство меры и навсегда забудем о наших, сыночек, родственных отношениях! – пообещал Дмитрий Олегович.

«Боже мой, какой я ловкий, удивительно ловкий, а ещё – хитрый и изворотливый, – самодовольно думал Виталик, вприпрыжку поднимаясь по лестнице на второй этаж. – Нет во всём мире такого хитроумного парня, как я, и такого милого, и умного тоже – да, я ведь к тому же чертовски умён, и ещё не будем забывать про обаяние, которое мне тоже свойственно!» Только что этот образец скромности вытянул из Гумира теоретическое решение задачи «Где зарождаются желания, обрушившиеся на нас в последнее время?». Самому Технику оставалось теперь додумать самую малость – понять, как использовать эту парадоксальную идею на практике.

Вбежав в приёмную, которую он планировал проскочить на полном ходу, даже не делая остановку около кофейного автомата (тренировка силы воли!), Виталик, тем не менее, затормозил возле дверей, прирос к полу, уронил челюсть на грудь и даже, кажется, вытаращил глаза так, что стал похож на слабоумного школьника-переростка, почётного второгодника в седьмом поколении.

На диване сидели Даниил Юрьевич и – совершенно очевидно, сомнений быть не могло – Йозеф Бржижковский, такой же, как на фотографии, разве что живой, настоящий. Он небрежно перебирал какие-то бумажки, в которых Виталик довольно скоро признал Лёвино досье на журналистов, и выслушивал шефа, который пояснял, каких вопросов следует ожидать от того или иного кадра.

Оказалось, что господин писатель терпеть не может, когда с ним пытаются нянчиться – встречать на вокзале, заселять в гостиницу, водить его за ручку на телевидение, устраивать ему встречи с журналистами и так далее. «Вы договорились обо всём? Отлично. Нисколько не сомневаюсь в вашей компетентности. Ну и вы не сомневайтесь в том, что я смогу приехать куда надо и сказать то, что посчитаю нужным. Давайте сюда список дел, и я пошёл. В случае чего – созвонимся!» Лёва чуть в драку с автором не полез, доказывая, что без него всё немедленно рухнет; к счастью, рядом сидели Марина с Галиной, которые по едва заметному знаку шефа мгновенно обездвигили парня и оттранспортировали в свой кабинет – немного поостыть и успокоиться. Писатель даже ничего не заметил.

– Ну и как закончишь с этим – приезжай сюда, ходим в «Петушки» – это тут такая рюмочная есть рядом, ты оценишь, – панибратски улыбнулся Даниил Юрьевич. Виталик даже представить не мог, что тот так умеет. Сам шеф тоже, если честно. Но чего не сделаешь ради

того, чтобы обеспечить настоящему живому гению комфортную и удобную обстановку. По лицу гения было видно, что он очень доволен приёмом.

Даниил Юрьевич, в отличие от своих московских коллег, которые были младше его лет этак на сто, давно уже уяснил, что каждый человек по-своему представляет уют, и не нужно ни в коем случае судить по себе, иначе получится чепуха какая-то, а то и конфуз. Так что он взял на себя ответственность за происходящее, отобрал у Лёвы все пароли и явки и позволил событиям происходить так, как им удобнее. Пусть бегут неуклюже, но всё же бегут, а не завалятся в первую попавшуюся лужу и вопят оттуда нестройным хором: «Вытащите нас, мы больше не будем бегать!»

– Данила, слушай, а вы прямо кого попало с улицы к себе пускаете? – тем временем небрежно спросил господин писатель у своего собеседника – отличного, мирового парня, хоть и начальника.

– В смысле? – не сразу понял шеф. – Кто «мы», куда «к себе» и что ты подразумеваешь под словом «улица»?

– Ай, хорошо! – восхитился формулировкой вопроса Йозеф Бржижковский. – Вон, смотри: у двери какой-то дурачок стоит. На фаната похож. Точно, фанат – видишь, краснеет, бледнеет, сказать ничего не может. Ты знаешь, они меня поражают. Сначала прибегают к неслыханным хитростям и уловкам только ради того, чтобы с тобой пообщаться, так что даже кажется, что они неглупые ребята. Но потом стоят столбом, вот примерно как этот, и молчат.

– Если вы обо мне, то я, конечно, ваш фанат, не без этого. Только я не с улицы, я здесь работаю, – сильным голосом сказал Виталик – и тут же почувствовал наигранность, неестественность этой фразы. Он совсем по-другому представлял себе первую встречу с любимым писателем.

– Работаешь, значит? – внимательно посмотрел на него любимый писатель, так, что Техник чуть не бухнулся на колени, вопия: «Простите меня за то, что три года назад я на форзац вашей книги переписал расписание пригородных автобусов, я не со зла, честное слово, просто больше некуда было!»

– Да наш это, наш, Виталик, – подтвердил шеф.

– Тот ещё работничек, как я посмотрю. Во время разгрузки я его не видел, и пить он с нами отказался. Наверное, бережешь свои силёнки и своё здоровьечко? Потому что гниловат изнутри, а?

Виталик только руками развёл и головой помотал, и ещё рожу скорчил смешную, чтобы как-то разрядить обстановку, но получилось ещё хуже. Йозеф Бржижковский окончательно решил, что этот парень будет назначен официальным болваном, на котором можно срывать зло – даже хорошо, что он здешний, не надо будет за ним постоянно посылать, сам придёт.

– Воздух ртом хватаешь, а сказать-то и нечего! – постановил он, посмотрел на часы, объявил, что теперь-то ему точно пора в телевизор, пообещал Даниилу Юрьевичу, что постарается вернуться пораньше, и удалился, даже не удостоив Виталика взглядом.

– За что он меня так? – жалобно спросил бедняга у любимого шефа, тут же вновь принявшего привычный облик: лицо бесстрастное, взгляд чуть задумчивый, ни тебе панибратской улыбочки, ни тебе циничного прищура.

– За то, что ты, как и многие, не желаешь видеть в нём живого человека, а видишь только талант, славу, популярность.

– Ну вот, увидел я живого человека, мне не понравилось, – признался Виталик. – Он этого добивался, да?

– Он ничего не добивался. Просто сжегивал яд, а ты как раз под руку подвернулся. Будешь в другой раз думать, прежде чем творить себе кумира.

– Понял, больше не творю! – козырнул Виталик. – И всё-таки обидно-то как, а! Он же меня впервые в жизни видит.

– Ты тоже довольно часто делаешь вывод о человеке по первому впечатлению, – пожал плечами Даниил Юрьевич, критически осмотрел шкаф, к которому так никто и не удосужился привинтить отвалившуюся ещё вчера дверцу, кивнул своим мыслям, как бы говоря: «Нуда, примерно так я и предполагал», – и, почти не скрываясь, прошел в свой кабинет напрямик, сквозь стену.

Вернувшиеся через десять минут Шурик с Наташей – довольные, весёлые, по уши в шоколаде – обнаружили потрясающее, почти что цирковое зрелище. Виталик стоял на стремянке возле получившего производственную травму шкафа и методично вправлял ему дверцу.

– ...договорились встретиться после работы. После её работы, разумеется, – пояснил Шурик. Разговор, видимо, начался ещё на лестнице, а то и в ближайшем гастрономе, в котором совсем недавно отгородили под кондитерскую небольшой уголок, где продавались булочки со взбитыми сливками и горячий шоколад. Булочки Наташа с Шуриком авторитетно отвергли, а вот шоколад признали условно годным, хотя и не дотягивающим до среднерайонного эталона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.